

Афганский дневник—это мои личные воспоминания о службе и жизни в Афганистане, изложенные в хронологической последовательности и связанные между собой по месту и времени.

Все события по службе происходят в провинциях Бадахшан и Кундуз. Всё, что написано в дневнике, на девяносто семь процентов правда, три процента оставляю на свою субъективную оценку событий...

Глава сорок первая

Самым «сладким» моментом после возвращения из боевых выходов было хорошенько отмыться и выспаться. На каждой заставе, ещё до моего назначения, были построены бани. На нашей заставе она представляла собой целый «спа-комплекс» с парилкой, моечным помещением и бассейном, с камином, который был выложен при непосредственном участии солдата, эстонца по национальности, Вилли Рубина. Я сам был удивлён, когда впервые увидел это чудо посреди Ишантопской степи. Плюс к этому в едином пространстве было три небольших спальных помещения и сержантский класс.

Однако повседневная служба не позволяла особо расслабиться. Каждый день приносил новые заботы. Я отвечал за боевую подготовку и проводил занятия с личным составом на учебных стрельбах из стрелкового оружия и бронетранспортёров, проверял готовность бойцов и командиров взводов к выполнению возложенных на роту задач. В зоне ответственности нашего батальона, в составе небольших мобильных групп, вместе с командиром роты принимал участие в поисковых действиях (патрулировании местности). Периодически, в местах наиболее возможного перемещения оружия и снаряжения бандформированиями, небольшие сводные группы нашего батальона организовывали засады. Эта рутинная боевая работа была незаметной и обыденной, потому не отпечаталась в моей памяти до мельчайших подробностей. В памяти остаются яркие моменты, которые сопряжены с риском или какими-нибудь неординарными событиями.

В начале августа 1987 года в штаб батальона поступила информация о готовящейся переброске оружия и боеприпасов в районе ответственности нашего батальона. Нашей роте предстояло принять участие в очередной засаде. Командиром группы назначили Сергея Ефимкина, меня—его заместителем. Из офицеров управления батальона был привлечён секретарь комсомольской организации подразделения старший лейтенант Игорь Крамарчук. Бойцы нашей роты были основным костяком группы, несколько человек привлекались из управления батальона. Состав участников засады определялся командиром группы. Каждый боец рассматривался в индивидуальном порядке. Важно было всесторонне оценить его качества и предвидеть, как военнослужащий сможет применить полученные им навыки в реальном бою. И если по каким-либо причинам мы отклоняли и не включали в группу солдата, у некоторых возникали нешуточные обиды: «Почему Васю Пупкина взяли в засаду, а меня нет?» Приходилось сглаживать углы и аргументированно доказывать правоту принятого решения.

Глава сорок вторая

Мы с Сергеем по карте изучили возможные маршруты движения «дúхов», а накануне днём, под видом очередного рейда, провели рекогносцировку (изучение) местности, на которой предстояло выполнить задачу.

Шестого августа, после обеда, группа в полном составе собралась в управлении батальона. Комбат майор Чуваев Сергей Александрович и начальник штаба батальона майор Панченко Константин Александрович произвели смотр личного состава и проверили готовность к выполнению задачи. Начштаба отдал приказ на выполнение засадных действий.

Командир группы довёл до бойцов сведения о противнике, затем на карте и схеме указал расположение позиций каждой подгруппы и их задачи, порядок открытия огня и действий при захвате пленных (документов, вооружения) и после выполнения задачи, сигналы открытия огня, нападения, отхода и назначил своего заместителя. Кроме этого, Сергей уточнил порядок эвакуации раненых

и убитых, а также доставки пленных, захваченных документов, образцов вооружения, порядок действий подразделения при обнаружении засады противником в ходе выдвижения к месту засады. Таков был установленный порядок, определённый боевым уставом и опытом, который мы приобрели в Афганистане и неукоснительно его выполняли.

В десятом классе средней школы я прочитал знаменитый роман Александра Бека «Волоколамское шоссе» о подвиге советских солдат и офицеров 1-го батальона 1073-го стрелкового полка 316-й дивизии генерал-майора Панфилова, которые сражались и отдавали жизни в схватке с немецкими захватчиками под Москвой, на Волоколамском направлении, осенью-зимой 1941 года. Большое впечатление произвела глава, в которой описывалось, как остатки батальона выходили из окружения по единственной дороге. В какой-то момент фашисты открыли автоматнo-пулемётный огонь трассирующими пулями, почти в упор. Автор описывает безумие, которое охватило наших бойцов оттого, что каждый из них своими глазами видел пули, летящие в них. Перед выходом на засаду мы решили воспользоваться этим опытом и снарядили первые магазины автоматов и ленты пулемётов трассирующими патронами.

На трёх бронетранспортёрах, чтобы не привлекать внимания, по-боевому (весь личный состав находился внутри БТР), наша группа выдвинулась в район проведения засады. Нам необходимо было проехать около десяти километров до заставы миномётной батареи нашего батальона, которой командовал капитан Алексей Визитиу. Эта застава была самая удалённая от расположения батальона. На заставе было несколько глиняных строений, огороженных высоким глиняным забором, с большим внутренним двором, поэтому наше пребывание на заставе было скрыто от посторонних глаз. Рядом с заставой находились два небольших кишлака (Дехи Калан и Шахтепа), из которых постоянно осуществлялось наблюдение за передвижениями на заставе. Позиции ста двадцатимиллиметровых миномётных расчётов, с окопами и ходами сообщений, располагались за периметром строений.

В этот день у заместителя командира первого взвода старшего сержанта Хуршеда Уракова был день рождения. Мы вспомнили об этом событии и поздравили его перед строем нашей группы.

Дождавшись тёмного времени суток, под покровом ночи группа выдвинулась к месту проведения засады. Бронетранспортёры остались на заставе, в готовности немедленно прибыть к месту проведения засады. Пеший путь до места засады занял около часа. Мы старались как можно тише, без лишнего шума, продвигаться по тропе — сначала по высохшему руслу реки, а затем по тропе вдоль дороги на Алиабад. Условленными сигналами

дозорные докладывали об обстановке. Колонна солдат, с дистанцией пять-шесть шагов, размеренным шагом двигалась установленным маршрутом.

Глава сорок третья

Наконец группа заняла свои позиции. Место засады было выбрано на пересечении двух дорог: Алиабад—Ханабад и одной из многочисленных просёлочных дорог в направлении на Карамколь. При подготовке к засаде мы предполагали, что перемещение «дúхов» с оружием будет осуществляться по просёлочной обходной дороге со стороны Кундуза в направлении Карамколя, поэтому основная подгруппа во главе со старшим лейтенантом Ефимкиным расположилась за небольшим валом, на удалении ста метров от перекрёстка, вдоль дороги на Карамколь. Подгруппа из четырёх человек со старшим подгруппы сержантом Гуджюнасом заняла позиции в пятидесяти метрах дальше от основной группы, в направлении Карамколя, с задачей захвата или уничтожения боевого дозора. Подгруппа во главе со старшим лейтенантом Игорем Крамарчуком, из четырёх человек, находилась вдоль дороги Алиабад—Ханабад, с задачей обеспечить уничтожение противника, который будет пытаться выйти из боя, отходя обратным маршрутом. В каждой подгруппе было разделение на двойки, чтобы бойцы могли страховать друг друга.

В засаде главное—скрытность, внезапность и чёткое взаимодействие всех подгрупп. По опыту проведения подобных боевых действий, не всегда удавалось реализовать то, что было задумано командованием и нами, непосредственными участниками событий. В засаде большое значение имеют его величества случай и везение.

Непосредственно на месте, где расположилась засада, не было каких-либо естественных укрытий, поэтому для скрытного расположения пришлось использовать небольшой вал вдоль дороги, который не позволял со стороны предполагаемого движения противника наблюдать нашу группу.

Тёмное время неумолимо заканчивалось, прошло около двух часов нашего пребывания в засаде. Ещё немного—и нам необходимо было возвращаться на базу, нужно было до рассвета скрытно покинуть место засады. Сергей взглядом показал на часы. Я понял, что через полчаса надо собирать группу в обратный путь. Наступило чувство лёгкого разочарования оттого, что все усилия потрачены впустую, что мы вернёмся в батальон без результата. Где-то в глубине души я радовался, что мы живы, нет пострадавших и все наши результаты ещё впереди...

Командир уже несколько раз выходил на это место в засаду, и возвращаться в очередной раз в батальон без результата не входило в его планы. Не рассчитывая на положительный исход нашей

засады, он встал почти в полный рост, закурил и от души выругался...

Спустя пару минут наблюдатель на правом фланге нашего расположения доложил по радиостанции о том, что в нашу сторону направляется группа душманов. В прибор ночного видения я увидел двух дозорных, которые, озираясь по сторонам, шли в нашем направлении. Я рукой взял ротного за маскхалат, опустил на землю, передав ему НСПУ-3 (ночной стрелковый прицел унифицированный). Не поверив своим глазам и потушив сигарету, Сергей шёпотом произнёс:

— «Духи», «духи», «духи».

Ротный жестом показал, чтобы никто не трогал эту парочку. Мы выдерживали паузу, давая душманскому дозору пройти мимо основной подгруппы, ничем себя не выдавая. Через некоторое время мы все смогли разглядеть приближающиеся силуэты. В составе душманской группы было несколько выючных лошадей, которых сопровождала банда из семи-десяти человек.

Между собой мы распределили цели. Расстояние до «духов» было не больше десяти метров. Отчётливо слышались вдохи-выдохи и стук копыт лошадей. Сергей на мгновение приподнялся из-за земляного вала на колени, не произнося никакой команды, первым произвёл автоматную очередь. Мгновенно огненный шквал обрушился на «духов» и животных. Сержант Усербаев Азим огромными ручищами схватил пятидесятимиллиметровый осветительный патрон и с руки направил его в сторону душманов. Ракета яркой вспышкой врезалась в первую лошадь, озаряя близлежащее пространство. От трассирующих пуль на противоположной стороне дороги загорелся сухостой. Вся картина происходящего напоминала замедленную съёмку художественного фильма-боевика. Никто из основной группы душманов не оказал сопротивления. Одновременно с началом скоротечного боя подгруппа сержанта Гуджюнаса уничтожила дозор «духов». Через минуту мы услышали и увидели автоматные очереди подгруппы старшего лейтенанта Игоря Крамарчука. Несколько душманов, которые замыкали караван, попытались убежать от места засады. От всех подгрупп поступил доклад о выполнении задачи и о том, что никто не пострадал. Скоротечный бой занял не более пяти минут.

Командир группы дал команду бронетранспортёрам прибыть к месту засады. Захваченные точки были забиты оружием и снаряжением. Я слышал, как ротный по радиостанции докладывает в батальон о выполнении задания, о приблизительном количестве уничтоженных «духов» и о количестве добытого вооружения и боеприпасов. После доклада Сергей выругался и приказал подчинённым загрузить на БТР несколько трупов. В тот момент мы вместе с бойцами недоумевали

по поводу полученного из батальона приказа. Только по прибытии поняли: нам не верили, что был настоящий бой и что есть результаты этого боя. Такое иногда бывало в Афганистане, когда подразделение в качестве результатов боевого выхода использовало ранее захваченное оружие. Матерясь, бойцы закинули четыре трупа на броню, и, убедившись, что всё «зачищено», группа выдвинулась в обратном направлении.

Отъехав от места засады метров пятьсот, старший лейтенант Ефимкин отдал команду командиру миномётной батареи капитану Визитиу проинформировать огневой налёт на место, где минутами ранее была засада...

Глава сорок четвёртая

Обратная дорога показалась скоротечной. Солнце вышло из-за горизонта и осветило своими лучами крыши землянок и строений нашей роты. Нас встретили офицеры и прапорщики родной второй роты. Два бронетранспортёра с личным составом второго взвода нашей роты и солдатами управления батальона проехали в расположение батальона. По горячим следам вкратце мы рассказали своим сослуживцам о засаде. Наш рассказ прервал телефонный звонок из штаба батальона. Комбат просил нас с Сергеем приехать в управление батальона.

Сергей Александрович с начальником штаба батальона встретили нас у входа в батальон. Ротный ещё раз доложил о результатах засады. Бойцы выгрузили оружие, боеприпасы и снаряжение на плац перед зданием штаба. На бетонном плацу лежали две винтовки «Бур» английского производства, два пистолет-пулемёта Шпагина, два пулемёта Дегтярёва и около тридцати «китайских» автоматов АК-47 с магазинами и боеприпасами.

Комбат пригласил нас и офицеров батальона в столовую. Как это ни странно, я в первый раз был в батальонной офицерской столовой. Всё было уютно, по-домашнему, с белыми занавесками на окнах, с разными картинами на стенах. Стол был накрыт специально к нашему приезду. Когда только повара успели приготовить званый завтрак?

Сергею, Игорю и мне налили по стакану самогонки. Мы залпом опустошили содержимое. Ротный во всех тонкостях, мелочах и красках рассказал о ночной засаде. По своему состоянию я чувствовал, что алкоголь не оказывает своего воздействия на меня. Я был абсолютным трезвым. Видимо, количество адреналина в организме зашкаливало и компенсировало возможности самогона...

В беседе с комбатом и начальником штаба батальона мы узнали, что в результате засады нами была уничтожена группа «духов», которая накануне вечером захватила царандоевский пост (пост афганской милиции), и двигалась по

предполагаемому нами маршруту... Обсуждение произошедшего заняло немного времени. Участники засады сфотографировались для истории, и мы уехали на свою заставу.

Глава сорок пятая

После ночных приключений необходимо было отдохнуть, но ближе к обеду звонок из батальона прервал наш отдых. Комбат попросил снова приехать в управление батальона.

На въезде в батальон стоял белый афганский пикап. Это не сулило ничего хорошего. Мы увидели настоящих душманов, которые исподлобья смотрели в нашу сторону. Среди встречавших нас афганцев был родной брат одного из убитых в ночном бою «дúхов»...

Нам предстояло показать афганцам место проведения засады, с тем чтобы те смогли забрать оставшихся после боя собратьев и до захода солнца успеть их предать земле. По сути, это было ещё одно «здание» за сутки, которое потребовало от нас повышенной бдительности и особой концентрации. Мы выехали на двух бронетранспортёрах с частью тех же бойцов, с которыми накануне ходили в засаду.

Когда проезжали мимо гарнизонной свалки, гул двигателей бронетранспортёров и клубы пыли подняли в небо бесчисленную стаю грифов. Сергей сидел на шторке смотрового люка, держась левой рукой за ствол крупнокалиберного пулемёта. Я, развернувшись в противоположную движению сторону, контролировал афганцев, которые расположились на задней части БТР. По их лицам было видно, что они готовы в любую минуту открыть огонь по нам. Единственное, что немного успокаивало, — отсутствие в руках афганцев оружия. По мере приближения к месту засады напряжение возрастало. Мы были готовы к любому развитию событий.

Наконец мы прибыли к знакомому месту. Афганцы спрыгнули с брони, подошли к телам своих соплеменников, часть из которых мы не стали забирать ночью, и совершили молитвенный обряд. Сидя на бронетранспортёрах, мы сверху наблюдали за происходящим. Загрузив тела в кузов пикапа, афганцы стали думать, как транспортировать туши лошадей. Решили вторым рейсом перевести распухших на жаре животных. Обратная дорога была ещё тревожнее.

Не скрывая скорбь по своим родным и ненависть по отношению к нам, афганцы не проронили ни слова. Тоска и печаль от увиденного на месте засады переполняли и мои чувства. Почему-то хотелось быстрее забыть этот эпизод своей афганской службы.

Глава сорок шестая

В середине августа 1987 года в батальон с проверкой прибыл старший инспектор политуправления

Туркестанского военного округа майор Синельников Сергей Григорьевич. Командование батальона предупредило все заставы о проверке, поэтому, как каждая хорошая хозяйка готовится к встрече гостей, мы тоже навели соответствующий порядок. Майор Синельников, в сопровождении заместителя командира батальона по политической части майора Ермолаева Владимира Владимировича, поехал по заставам нашего батальона. Он проверял, как устроен быт наших солдат, как организована партийно-политическая работа в подразделениях. По прибытии на заставу управления нашей роты мы с Сергеем Ефимкиным встретили проверяющих офицеров.

Майор был чуть выше среднего роста, светловолосый, с голубыми глазами, загорелый, в новеньком обмундировании и в чёрных солнцезащитных очках. Ротный доложил, чем занимается личный состав подразделения, о численности военнослужащих, об обеспеченности бойцов всеми необходимыми видами довольствия.

Мы прошли в землянку, где располагались солдаты и сержанты. Проверяющий осмотрел прикроватные тумбочки, постельное бельё, поинтересовался, когда последний раз была его замена. Затем мы прошли в столовую. Всё было почти в идеальном состоянии, за исключением огромного количества мух, с которыми мы боролись с переменным успехом. Главным местом его осмотра была, естественно, ленинская комната. Спустившись в землянку, где находилось помещение ленинской комнаты, майор Синельников спросил:

— Откуда вы, товарищи офицеры?

— Я из Наро-Фоминска, служил в Кантемировской дивизии, — ответил Сергей.

— А я из Абакана.

— Служил там? — с удивлением обратился ко мне проверяющий.

— Нет, я родился и вырос в Абакане.

— А где учились, в какой школе?

— В шестнадцатой, в районе кинотеатра «Космос»...

— А моя мама живёт на проспекте Ленина, дом двадцать восемь, — неожиданно поведал майор.

— Там ещё магазин на первом этаже, продуктовый...

— Да, рядом с мемориалом Победы...

— Точно всё, в соседнем доме, на первом этаже, с торца, находится караульное помещение поста номер один мемориала Победы. Я имел честь стоять в почётном карауле...

— Ну надо же, первый раз такого близкого земляка встречаю в Афганистане, — продолжил майор Синельников.

Меня переполняли эмоции. Дистанция между старшим инспектором политуправления Туркво и мною сократилась до тёплых приятельских объятий. Мы отыскивали общих знакомых, так как Абакан небольшой город и много людей было

нашими общими знакомыми. По существу, на этом проверка в батальоне закончилась...

В августе 1986 года майор Синельников Сергей Григорьевич был заместителем командира по политической части в шиндандтском полку. Майор Синельников участвовал в выводе одного из шести полков, которые были срочно сформированы из офицеров-заменщиков и дембелей 40-й армии и выведены из Афганистана по инициативе генсека ЦК КПСС М. С. Горбачёва. Дальнейшее прохождение службы в политуправлении Туркво для Сергея Геннадьевича стало логическим продолжением карьеры. Он был самым молодым инспектором политуправления Туркво.

— Ну так что, мужики, вечером встречаемся на ужине? — обратился к нам мой земляк.

— Конечно, какие вопросы, товарищ майор, — в голос ответили мы с Сергеем, — ждём вас на ужин. — Я буду не один, со мной старший лейтенант Коновалов, и ещё, может быть, кого-нибудь привезу... — Хорошо, всё будет готово к восемнадцати часам, — подтвердил ротный.

Мы продолжили общение за ужином.

Вечером, около девятнадцати часов, подъехал БТР, на котором восседали знакомые все лица и девушка в красном платье.

— Знакомьтесь, это Ирина.

Вместе с Сергеем Григорьевичем в нашу роту приехала молодая женщина, которую мы с ротным знали задолго до её появления в нашей кундузской роте.

— А мы знакомы, — с удивлением посмотрев друг на друга, ответили на призыв познакомиться мы.

Это была Ирина-Прима. Такое прозвище ей дали офицеры файзабадского полка за её безукоризненный внешний вид и потрясающие формы. Ирина «служила» продавцом в магазине файзабадского гарнизона. Когда мы изредка приезжали в полк и заходили в магазин, файзабадский замком роты Арсалан Гомбоев оказывал ей безуспешные знаки внимания, а мы перекидывались между собой отдельными фразами. Она была весьма хороша собой и знала себе цену. Увидев её у себя на заставе, мы были искренне удивлены, и она тоже. Прима работала в дивизионном магазине «Книги». Именно там накануне Ирину увидел майор Синельников и пригласил её к нам на заставу, с тем чтобы скрасить нашу мужскую компанию своим присутствием.

Стол был накрыт в нашем огороде. Это был маленький оазис среди пустыни, накрытый армейской маскировочной сеткой, защищающей от палящих солнечных лучей. К столу были поданы салат из свежих овощей с зеленью, плов, консервированная югославская ветчина, чай «Lipton», югославские компоты и соки...

За рюмкой чая завязалась непринуждённая беседа. Мы вспоминали нашу малую родину.

Постепенно разговор перешёл на армейские дела. Сергей Григорьевич рассказал нам о своём жизненном и офицерском пути. Мы нашли общих сослуживцев, с которыми нас сводила офицерская служба.

Тёплая, почти семейная атмосфера, исполненные мною песни-переделки под гитару и чтение стихов, баня и бассейн способствовали небольшому расслаблению нас и наших гостей. А расслабленное выражение лица майора Синельникова С. Г. говорило о том, что ему и его спутникам понравилось наше гостеприимство. Память о встрече с самым близким земляком на афганской земле надолго осталась в моём сердце...

Глава сорок седьмая

Старший прапорщик Верховский Николай Сидорович, техник нашей роты, прибыл к нам летом 1987 года. До Афганистана он служил в Одесском военном округе помощником командира танковой дивизии, в городе Бельцы в Молдавии. На вид ему было около пятидесяти лет. Слегка лысоватый, плотного телосложения, техник роты всегда был в чистом обмундировании. Он целенаправленно приехал служить в Афганистан для увеличения выслуги лет и не скрывал своего желания, чтобы ротный не брал его на боевые действия. Мы с понимаем относились к его пожеланиям оставаться в тылу. Он один из немногих военнослужащих в нашей роте, кто каждый день получал долгожданную большую пачку писем от родных и знакомых и сам ежедневно отправлял столько же на Родину.

В нормальном, уставном понимании соответствия его должности, старший прапорщик не был технарём. Этого, собственно, и не требовалось. Используя свой жизненный опыт и быстро нарабатываемые на различных складах 201-й дивизии связи, Николай Сидорович смог организовать безаварийную эксплуатацию нашей техники.

Тринадцатого сентября 1987 года, в День танкиста, по инициативе старшего прапорщика Верховского офицеры и прапорщики роты, находившиеся на заставе, организовали небольшой праздничный стол. Не было только Сергея Ефимкина — он был в очередном отпуске. Ротный также имел отношение к танкистам, так как до Афганистана служил в гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Однако, не успев начать праздничную трапезу, мы услышали гул самолётных двигателей. Командир первого звзда Габиль Мамедов выразил недоумение по поводу дневных полётов транспортной авиации. Через мгновение раздался хлопок, мы выбежали на открытое пространство заставы и увидели Ан-26, который залетел за границы охранной зоны, углубившись в «зелёнку» (местность, покрытую растительностью, в которой укрывались душманы). Из правого двигателя валил чёрный дым. Мы молили Бога,

чтобы пилоты смогли дотянуть до аэродрома, но самолёт слишком далеко завернул спираль, а большое расстояние и малая высота не позволили благополучно совершить посадку. Самолет упал и взорвался в четырёх километрах юго-западнее нашей заставы, рядом с восточными окраинами кишлака Мадраса.

Наше подразделение было самым близким к месту падения Ан-26. Наблюдатели с заставы третьего взвода нашей роты, которая располагалась в крепости, засекли предполагаемое место обстрела самолёта и передали координаты в управление батальона.

Получив приказ из штаба, тревожная группа в составе двух бронетранспортёров и двадцати человек личного состава немедленно выехала к месту падения самолёта. По пути следования нашей группы над нами пролетела пара Ми-24 афганской армии, которая приступила к «обработке» предполагаемого места выстрела ПЗРК. Из этого следовало, что сбитый самолёт предположительно был афганским. Подъезжая к горевшему самолёту, мы увидели и услышали разрывы артиллерийских снарядов...

Наша группа первой прибыла к самолёту, точнее, к его останкам. Бойцы заняли круговую оборону. Солдаты отрыли одиночные окопы в полный рост. Пожар никто не тушил, да и тушить, собственно, было нечего. На поверхности земли по разным сторонам лежали крылья, хвостовая часть и колпак носовой части. Фюзеляж самолёта был скрыт землёй.

Спустя полчаса к самолёту подъехали два ГАЗ-66, битком набитых афганцами в гражданской одежде. В первый раз я познакомился с бойцами ХАД (название службы государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан). Их невозможно было отличить от душманов. Командир группы ХАД товарищ Али первым подошёл и представился. Мы поздоровались по мусульманскому обычаю. Али рассказал мне, что в самолёте находилось пятнадцать человек. В составе пассажиров самолёта были советник начальника службы ракетно-артиллерийских вооружений пехотной дивизии Вооружённых Сил ДРА с женой. Гораздо позже я узнал их фамилию и имя. Это были подполковник Артёмов Алексей Иванович и его супруга Рая. Кроме этого, самолёт перевозил семьдесят миллионов афгани для выплаты денежного довольствия в силовых ведомствах в трёх северо-восточных провинциях Афганистана. Вот эта последняя новость немного насторожила. Я предположил, что «дүхи» знали, какой груз перевозил самолёт. Поэтому была вероятность захвата самолёта с деньгами со стороны душманов.

Когда стемнело, бойцы на костре разогрели сухой паёк. Я предложил товарищу Али отужинать вместе с нами. Он принял предложение и в знак

благодарности протянул сигарету. Я догадался о её начинке и вежливо отказался.

Около двенадцати часов к нам подъехал КУНГ (специальная аббревиатура для кузовных типов транспортных средств, которая расшифровывается как «кузов унифицированный нормально-габарита») комендантской роты 201-й мотострелковой дивизии, с охраной в составе двух бронетранспортёров. Сержант комендантской роты попросил меня подойти к будке, в которой находился неизвестный мне начальник.

Дверь кунга открылась, и я увидел знакомое лицо—это был подполковник Шеходанов В. Н. По случаю праздника он был слегка навеселе. Снова судьба свела меня с этим офицером. Я представился.

— Ты, что ли, старший?—спросил подполковник. Заместитель командира дивизии узнал меня.

Я доложил о количестве задействованных для охраны самолёта военнослужащих, о бронетехнике и вооружении, о том, что группа заняла круговую оборону, что в случае нападения группы поддерживает огнём застава третьего взвода нашей роты, что, кроме нас, на месте крушения самолёта находится порядка сорока «хадовцев».

— Ты знаешь, что в самолёте?

— Да, знаю,—ответил я. — В общем, так: мне не надо семьдесят миллионов, мне достаточно одного. Понял?—без вариантов для возражений отрезал подполковник.—Деньги лежат в несгораемых мешках в переднем багажном отсеке. Надо убрать «хадовцев» от самолёта и... ну, ты меня понял...—многозначительно протянул офицер.

Дверь кунга закрылась. Я шёл к своим бойцам и не знал, как выполнять распоряжение офицера. С одной стороны—приказ вышестоящего командования, с другой—разлад с собственной совестью...

В этот момент я вспомнил слова своего товарища по училищу Александра Походина, который служил в Ташкентском ВОКУ взводным. Он встречался со многими нашими однокашниками, возвращавшимися из Афганистана, и слышал от них, что в Афгане много различного рода искушений. Зачастую они связаны с нарушением общепринятых норм, человеческих принципов и граничат с криминалом. «При любой ситуации необходимо оставаться в ладу с собственной совестью»,—слова старшего лейтенанта Походина я помнил...

Я подошёл к командиру «хадовцев» и попросил собрать в кучу его бойцов, для того чтобы мои солдаты в темноте не перепутали их с душманами, и выставил двух своих бойцов для их охраны. Через несколько минут над расположением афганцев образовался специфический смог, и постепенно их голоса стали стихать. Я подошёл к самолёту.

Оплавленный металл искорёженными кусками валялся под ногами. Кое-где ещё догорало авиационное топливо.

С заставы третьего взвода, которая располагалась в крепости Насири, ночную тишину нарушали раскаты стадцатимиллиметрового миномёта, который производил выстрелы осветительными минами в нашу сторону. Периодически я выходил на связь с командиром третьего взвода старшим лейтенантом Артёмом Купиным. Он передавал мои доклады в батальон.

Рассвет встречал ожиданиями, которые не сулили ничего хорошего. Сбившись в одну большую кучу-малу, афганцы спали на земле. Наши бойцы в полном составе бодрствовали. Проходя по периметру охраняемой зоны мимо некоторых солдат, я не сразу мог их разглядеть. Окриком они останавливали меня, давая понять, что всё в порядке, «службу служат»...

Я не стал выполнять распоряжение подполковника...

С рассветом началось движение. Над нами пролетели две пары вертолётов афганских ввс. Затем один Ми-8 произвёл посадку. Из вертолёта вышла группа офицеров афганской армии во главе с генералом с пышными чёрными усами. Афганцы обступили самолёт, о чём-то долго разговаривали. Один из офицеров фотографировал останки разбившегося самолёта. Незаметно подошёл подполковник Шеходанов и взглядом подозвал меня к себе. Я доложил ему, что не было никакой возможности что-либо сделать, чтобы выполнить его распоряжение. Тем временем генерал отдал приказ на начало работ по откапыванию самолёта. «Хадовцы» долгое время не решались приступить к работам. Тогда генерал заорал на них. Стоящий рядом со мной афганец попытался воткнуть свою лопату в землю. Его попытка не увенчалась успехом. Затем ещё несколько «хадовцев» повторили попытку. Земля как будто спеклась в один конгломерат...

Я дал команду своим бойцам принести ломы и помочь дружественному афганскому народу. Наши ребята лихо принялись за работу и показали, как необходимо копать землю.

Афганскому генералу стало неловко, и он попросил меня увести солдат. На этом наша миссия была закончена. Замкомдив приказал собраться и убыть к месту постоянной дислокации.

В вечерних сумерках через заставу первого взвода нашей роты, под охраной «хадовцев», на двух доверху заполненных ГАЗ-66 провезли обожжённые мешки с пайсой (афганская валюта). Когда уже совсем стемнело, стали перевозить «двухсотые»...

Глава сорок восьмая

Сергей Ефимкин прибыл из отпуска в начале октября. На лице ротного была нескрываемая печаль

и тоска. Неохота было лезть в душу к командиру, да и он не особо горел желанием посвящать нас в свои размышления и переживания.

После отпуска пребывание на войне становится настоящим испытанием для каждого, кто служил в Афганистане. Там, в Союзе, мирная и спокойная жизнь со всеми вытекающими прелестями. Подавляющее большинство советских граждан представить себе не могло, в каких условиях проходят службу военнослужащие 40-й армии в Афганистане, какому риску и опасностям подвергаются их соотечественники на афганской земле. Только узкий круг родных и близких людей, и то не в полной мере, знал, что на самом деле происходит в Афганистане. К концу восьмидесятых годов дозированная информация о службе в Афгане была доступна широкой массе наших соотечественников. Газеты писали о посадке деревьев, о строительстве школ, о проведении совместно с афганской армией учений, но в большей степени страна старалась не замечать, что происходит на южной границе с соседним государством.

В Ташкенте, Фергане, Термезе и Кушке дыхание войны ощущалось сполна. Простые люди в аэропортах и железнодорожных вокзалах видели раненых солдат и офицеров. На улицах можно было увидеть военнослужащих с боевыми наградами. Но затем они разъезжались, разлетались по большой и необъятной стране и растворялись в море людского водоворота...

По прибытии в родные пенаты рассказы об Афганистане поначалу вызывали у родственников и друзей определённый интерес, который после нескольких задушевных посиделок сходил на нет. У всех были свои дела и заботы. Да и особо никто из афганцев старался не распространяться о своей службе.

Вот этот контраст между увиденным и прочувствованным в Афгане и равнодушием советских граждан вызывал психологический дисбаланс в восприятии одного и того же события разными людьми.

На адаптацию к военной жизни уходило определённое количество дней. Сергей ждал изменения своего служебного положения. Но обещанных перемещений по служебной лестнице не было. Необходимо было найти новую мотивацию для дальнейшей жизни и службы. А мотивация была проста и банальна. Надо было сохранить себя и жизни своих подчинённых во что бы то ни стало и вернуться домой...

Глава сорок девятая

С новыми силами мы окунулись в военные будни. Да, у нас не было своего «Сталинграда», но рота ежедневно занималась боевой подготовкой. Каждое утро начиналось с трёхкилометрового маршброска и зарядки в бронезилетах. Мы приводили

оружие к нормальному бою, выполняли стрельбы из различных видов оружия, отрабатывали действия по боевому расчёту, совершенствовали материально-техническую базу на каждой заставе. Мы построили дополнительные укрепления и стены на заставах, хорошую столовую в управлении роты, дополнительную долговременную огневую точку на удалённой заставе третьего взвода, в крепости. У нас было пятнадцать единиц военной и транспортной техники, которые требовали постоянного обслуживания и ремонта. Кроме этого, с завидной периодичностью рота осуществляла патрулирование зоны ответственности батальона и засады. Поэтому скучать и тосковать было некогда.

Редкими вечерами занимались написанием писем домой, слушая музыку и просматривая новостные телевизионные программы.

Однажды вечером, за ужином, в расположении первого взвода раздалась автоматная очередь, затем ещё одна... Мы выбежали на улицу. В крошечной темноте невозможно было сразу понять, что произошло...

Сбивчивым голосом дежурный по заставе доложил, что наблюдатель увидел в окопе какой-то силуэт и произвёл очередь из автомата в направлении подозрительного лица. Мы с Сергеем и Габилем подошли к траншею, осветили карманным фонариком предполагаемое местонахождение «силуэта» и увидели хорошо отпечатанные на ещё не высохшем от выпавших осадков дне окопа следы. Одни следы представляли собой отпечатки босого человека, другие — отпечатки кроссовок. Пара следов вела к проходу в минном заграждении.

Немедленно была поднята тревожная группа, и мы на бронетранспортёре стали преследовать непрошенных гостей. Освещая местность штатной фарой «Луна» и осветительными патронами, на ходу простреливая автоматными очередями складки местности, мы почти приблизились к кишлаку Накель. Не менее двух часов ушло у нас на поиск злополучной парочки, но так никого мы не обнаружили. Мы возвратились на заставу и ещё раз осмотрели следы. Сомнений, кому они принадлежали, ни у кого не было: это были «духи».

Сергей доложил о случившемся комбату. Было принято решение усилить бдительность на заставах и устроить ежедневные засады на возможных маршрутах передвижения лазутчиков.

В течение десяти ночей мы с Габилем Мамедовым, командиром первого взвода, в километре от заставы вместе и поочередно выходили в засаду. В конце ноября в Афганистане обычно тёплая погода днём и холодная ночами. Коротая время в засаде, приходилось лежать на голой земле, подкладывая плащ-палатки. После проведённой ночи голова наполнялась галлюцинациями. Плащ-палатка лежала на маковой траве. При наших телодвижениях на подстилке эфирные

масла перемешивались с росой и испарялись, и нам невольно приходилось вдыхать дурманящий аромат маковой травы. Кроме этого, холодная сырая земля вытягивала остатки тепла из организма. Мы стойко переносили тяготы и лишения, но все наши старания оказались напрасными. Никто больше не посмел повторить попытку вылазки в наше расположение.

Глава пятидесятая

У военных есть одна байка. Молодого лейтенанта, отслужившего в воинской части после училища год, вызывает командир и спрашивает: «Лейтенант, скажи, что тебе больше всего нравится — потная женщина или холодная водка?» — «Конечно, холодная водка», — ответил лейтенант. «Хорошо, в отпуск пойдёшь в декабре», — резюмировал командир...

Приблизительно так же получилось и у меня. Только я не был молодым лейтенантом, и отпуск у меня был ровно через год моего пребывания в Афганистане, в декабре 1987 года.

Время отпуска подошло незаметно. Я собрал стандартный набор подарков для родных и близких, который включал в себя платки с люрексом, сервисы кофейный и чайный с мелодией, костюмы спортивные, кроссовки, джинсы «варёные», костюм «Kommando», тигровое покрывало, ткань маме на платье, двухкассетный магнитофон, электробритву «Sanyo», набор «ногтегрызок», ручки и ещё какую-то мелочь. С одной пересадкой, через Кабул, долетел до Ташкента. Не помню, чтобы как-то особо тщательно проходил таможенный контроль, но в автобус, следовавший до ташкентского аэровокзала, я не попал.

Пришлось воспользоваться услугами таксиста-частника. Много раз всех нас, воинов-«афганцев», предупреждали: Ташкент город хлебный, но он же и прифронтовой город, в котором криминальный мир способен на опасные преступления.

Ко мне подошёл водитель-узбек и спросил: — Командир, куда едем?

Я назвал адрес своего товарища по училищу Саши Походина. Он жил в одноэтажном флигеле рядом с Ташкентским воку. Мы загрузили вещи и поехали по незнакомому ночному шоссе. Проехав с километр, автомобиль свернул с основной дороги в махаллу (часть города с преимущественно мусульманским населением). Водитель сказал, что ему надо забрать своего брата, чтобы увезти в Ташкент. Он вышел из машины, прошёл во двор и долгое время отсутствовал. Естественно, я немного насторожился и пересел на заднее сиденье «Волги», чтобы лучше контролировать ситуацию. Наконец «братья» вышли, и мы продолжили движение в сторону города. Я плохо ориентировался в незнакомой местности и не представлял, где мы едем.

Вдруг посреди дороги возник переносной шлагбаум в виде наспех срубленного ствола дерева,

который был закреплён на подъёмнике. Рядом со шлагбаумом стояли два милиционера и мотоцикл с коляской. Медленно приближаясь к «милиционерскому посту», «таксист» сказал, что надо дать денег, чтобы «не прикопались». Я протянул три рубля. Водитель вложил в водительское удостоверение купюру и, не выходя из машины, передал его милиционеру. Ловким заученным движением гаишник-узбек переместил трёшку в свой карман, посмотрел в кабину и произнёс:

— У вас всё нормально?

— Ягши, ягши, командир, у нас всё хорошо...

Мы продолжили поездку. Мои новые «друзья» на узбекском языке стали о чём-то разговаривать между собой. Разумеется, я не мог точно понять, «об чём речь», и решил перевести их разговор на русский, «включив» среднеазиатский акцент, вставляя узбекские и таджикские словечки и выражения, которые слышал в далёком детстве и общаясь с азиатами уже в армии.

— Бугун кундузи Тошкентда оби хавокандай? (Какая погода в Ташкенте днём?)

— Братан, ты чё, на узбекски гавариш?— удивился таксист.

— Кам-кам («чуть-чуть» по-таджикски), у меня отцовский родня Пергана живёт. Тётя Лида до сих пор с мужем там живёт, она на шелкомотальной фабрике бригадиром работает. Ещё тетя Надя в Киргилях на военном аэродроме у лётчиков в медсанчасти служит. Бабушка давно Пергана живёт. Знаешь, почему Пергана? Потому что «Пе» такой,— согнув руки и упёршись ладонями в пояс, я показал букву «Ф».

— Ай, брат, ну ты даёшь, хоп!!! А где Пергана тётка живёт?— расплылся в улыбке «брат» таксиста.

— Ахунбабаевский массив знаешь? Вот там и живёт, дом шестьдесят, а бабушка живёт на Калининский массив, рядом с милисия, там ещё озеро искусственный есть,— во всех подробностях я начал описывать свои познания в географии Ферганы.

При слове «милиция» напарник слегка шелохнулся и повернулся в мою сторону. Последний раз я был в Фергане с родителями в 1975 году, но помню тот приезд во всех подробностях. Своими «баснями» я расположил «братьев» к себе и остаток пути чувствовал себя немного спокойнее.

Тем временем мы подъезжали к походинскому флигелю. Я показывал дорогу, которую хорошо изучил, прожив у Саши больше месяца перед отправкой в Афганистан. Я первым выскочил из машины, попросил открыть багажник с чемоданом, подошёл к двери и нажал на кнопку дверного звонка.

— Сколько с меня?

— А, сколько не жалко, командир...

— Правда, сколько? Я ж не знаю ваших ночных расценок.

— Ну, давай сколько можешь.

Я достал сиреневую четвертную купюру и протянул таксисту.

— Эй, брат, я тебе там, в «Тузеле», столко ждал...— увидев «всего» двадцать пять рублей, жалобно протянул таксист, как будто он лично меня стоял и ждал.— Ну хотя б какой бакшиш-макшиш давай.

— Какой тебе бакшиш? Я тебе денег заплатил.

— Ну, там, платок-маток, люрекс-мюрекс. Весе «афганцы» чё-нить везут.

В этот момент вышел Саня Походин в подаренных мною ещё до «войны» красных фирменных шортах с тремя полосками, и мне стало спокойнее. Мы обнялись. Он увидел картину маслом и спросил меня:

— Сколько ты им денег дал?

— Двадцать пять рублей.

— Этого за глаза хватит. Тинчгина кетинглар бу ерлардан (уезжайте отсюда с миром),— на узбекском языке произнёс Шура.— Рахмат большой, брат, рахмат,— Саня поблагодарил водителя за мою доставку.

Глава пятьдесят первая

Оказавшись в Союзе, я думал, что будет спокойно и мирно. Нет, Ташкент был прифронтовым городом, со всеми вытекающими последствиями. В Ташкенте чётко работала «билетная» мафия, оказывая услуги по беспроblemному приобретению билетов на все виды транспорта и на все направления. Около билетных касс стояли так называемые «жучки», без труда вычислявшие «афганцев», и предлагали купить билеты в любую точку Советского Союза.

На следующий день после прибытия в Ташкент я поехал в аэропорт; отстояв в очереди, протягивая перевозочные документы, обратился к кассирше:— Мне один билет до Абакана, через Красноярск, на завтра.

— Билетов до Красноярска на ближайшие дни нет,— даже не заглядывая в монитор компьютера, ответила, как отрезала, женщина в синей форменной одежде.

Я отошёл от кассы. Ко мне тут же подскочил «жучок», узбек с длинными вьющимися волосами, одетый в джинсовые рубашку и куртку и светлые льняные брюки.

— Куда летим, командир?— почти шёпотом, на ухо, произнёс молодой человек.

— В Красноярск,— ответил я.

— На Красноярск билетов нет, это точно, но я постараюсь помочь, брат.

— Давай. Сколько это будет стоить?

— Двойная цена билета.

— Это сколько?

— Ну, сколько до Красноярска? Рублей сорок пять? Вот и считай, сорок пять рублей в кассу и столько же мне,— как вполне само собой разумеющееся

озвучил «жучок». — Понимаешь, надо всех «кормить».

— А проездные документы в кассу пойдут?

— Нет, только наличные.

Мне не жалко было этих денег, хотелось быстрее домой, к родным, но у меня просто физически с собой не было столько денег в кармане. Я решил съездить к Саше Походину, где я остановился, и вернуться в аэропорт.

Приехав домой, за обедом я рассказал Сане о своих мытарствах в аэропорту.

— Что-нибудь придумаем. У меня есть хороший знакомый, он служит военным комендантом в Ташкентском аэропорту. Я созвонюсь с ним, и сегодня вечером будем у него.

Так и случилось. Вечером вдвоём мы нагрянули в холостяцкую квартиру к коменданту Ташкентского аэропорта.

Нас встретил молодой человек, наш ровесник, выпускник Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознамённого училища железнодорожных войск и военных сообщений имени М. В. Фрунзе. Он был в курсе моих проблем и с ходу пообещал отправить меня на родину.

Мы быстро накрыли на стол, выпили за знакомство и за мою удачную отправку. Владимир, так звали моего «спасителя», попросил у меня документы и прошёл в соседнюю комнату, с тем чтобы продиктовать мои данные дежурному коменданту для снятия его личной брони. Возвратившись, комендант от удивления широко открыл глаза:

— А у тебя, случайно, родственников-генералов нет?

— Нет, не должно быть в родове генералов, — подумав, ответил я.

— У тебя фамилия как у нашего начальника училища, и ты здорово на него похож, — не унимался Володя. — Ты, наверное, скромничаешь?

— Нет же, точно говорю, ни одного генерала в родне не было, если только дед где-нибудь... Но дед, офицер-танкист, пропал без вести в первые месяцы войны.

— Хорошо, но это так редко бывает — и фамилия, и похож на нашего генерала, — чуть расстроившись, продолжил комендант.

Да, в этой жизни всё может быть. Спустя почти двадцать лет я был в Питере вместе со своей женой Светланой, нашёл улицу, которая носит мою фамилию, и сфотографировался на память.

Утром следующего дня у меня был талон личной брони военного коменданта на приобретение билета до Абакана, с пересадкой в Красноярске.

Я подошёл к кассе и увидел знакомого «жучка». Он метровыми скачками подбежал ко мне в надежде, что я принял его предложение. Я жестом остановил его великодушный порыв и без очереди протянул талон кассирше.

— Что, по брони? — с сожалением спросил молодой человек.

— Да, — коротко, без объяснений, и с гордым видом ответил я.

Глава пятьдесят вторая

В предвкушении встречи с родными я летел домой. Мыслей никаких не было, быстрее бы увидеть маму и отца. Брата Олега в начале лета призвали в армию. У него была возможность пройти армейскую службу «заочно». Так практиковали спортивные функционеры, устраивая перспективных игроков хоккейной команды «Саяны» в местную железнодорожную военную бригаду. Но я категорически был против этого и в письме написал брату, чтобы тот не увливался и, как все нормальные мужики, отдал свой воинский долг нашей Родине.

Маме наконец дали квартиру в новом доме. Восемнадцать лет мы четвером прожили в крохотной «однушке», имея только холодную воду. Чтобы помыться, необходимо было топить специальную ёмкость, так называемый титан. Я стеснялся пригласить своих друзей к себе в «апартаменты» и от этого испытывал определённый комплекс. Я не знал новый адрес, но у меня был новый номер домашнего телефона, поэтому, приземлившись в Красноярске, я позвонил родителям, чтобы отец встретил меня в аэропорту.

Из Красноярска улетал последним ночным рейсом на Абакан. Весь свой багаж, а это большой чемодан весом тридцать килограммов, спортивная сумка около пяти килограммов и коробка с магнитофоном, необходимо было самому нести до самолёта. В накопителе перед посадкой увидел своих знакомых абаканцев: заслуженного тренера по настольному теннису Ю. Д. Лебедева, мастера спорта международного класса Ирину Запелову, мастера спорта Сашу Головченко, ещё нескольких молодых спортсменов-теннисистов. Юрий Дмитриевич был моим первым спортивным тренером. С Ириной и Александром мы жили в одном районе и учились в одной школе.

Едва я вышел из тёплого накопителя на посадочный перрон, у моего чемодана отвалилась ручка. Пришлось взвалить его на правое плечо, придерживая той же рукой; спортивная сумка висела через то же плечо, а коробка с магнитофоном расположилась в левой руке. Не прошёл я и пяти метров, как вся эта конструкция рухнула, и я оказался под ней. Я не мог пошевелиться, резкая боль в спине пронзила всё моё тело.

— Что случилось, Юра? Помочь? — знакомый голос Саши Головченко вселил в меня надежду на спасение.

— Да, если не трудно, Саня, — еле шевеля губами от боли, ответил я.

— Юра, ты идти можешь? Давай сумку или коробку, — предложил свои услуги Александр.

Совместными усилиями мы добрели до трапа самолёта. Пронизывающий декабрьский ветер продавал насквозь моё модное пальто. Непривычно было после Афганистана окунуться в холодный сибирский климат.

Ещё один перелёт—и я дома, в кругу семьи. Время в полёте пролетело незаметно, всего сорок пять минут в воздухе—и я снова на родной земле. Отсюда я неоднократно улетаю, уезжал и вновь возвращался. Знаю, как переживали за меня мама и отец. Чего им стоила моя служба в Афганистане, можно было только догадываться...

Превозмогая не угасшую за время полёта боль в спине, я вышел к месту встречи пассажиров и увидел среди толпы встречающих своего отца. Мы крепко обнялись. Из его глаз потекли слёзы. — Ну, здорово, батя! Слава Богу, добрался до дома!—я стал успокаивать отца.

— Привет, сынок! Как долетел?

— Нормально, если не считать проблем с чемоданом и вот этим барахлом,—я показал на свой багаж.— А ещё спину в Красноярске сорвал немного.

Отец насторожился, подумав про себя, что у меня, возможно, ранение, о котором я ничего не написал, и посмотрел, что можно сделать с ручкой чемодана, готовый устранить неисправность тут же, на месте.

— Поехали домой. Я сорвал спину, подняв этот чемодан на перроне в Красноярске,—сказал я, предвидя ненужные расспросы отца.

Мы сели в такси и поехали по ночному Абакану. Я вглядывался в знакомые улицы, хотел запомнить и зафиксировать в своей памяти каждый пяточок родного города. Только теперь мы ехали не в свой знакомый до боли «Космос», а в новый дом по улице Советской...

Мама встретила на пороге квартиры, в слезах от радости и счастья. Старший сын вернулся на побывку. Из кухни по всей квартире разносился знакомый котлетный аромат. Стол уже был накрыт. Главное, что я выпил с превеликим удовольствием,—это цельное молоко, которого я не пил больше года. Это мой любимый напиток, который я любил с детских лет и мог за один присест с печеньем выпить литра два.

Непонятно, что это было, поздний ужин или ранний завтрак. Мы не могли наговориться, родители ловили каждое моё слово и старались запомнить всё, о чём я им рассказывал. Была сплошная семейная идиллия, не хватало лишь младшего брата Олега. Его летом призвали в армию, он проходил службу в Новосибирске, в батальоне охраны штаба Сибирского военного округа, водителем автомобиля. Я поделился с родителями мыслью о том, что мне обязательно надо съездить к брату.

Утром я не мог встать с дивана. Спина отваливалась, я не мог пошевелиться, резкая боль

пронизывала всё тело. О какой-либо поездке в ближайшие дни не могло быть и речи. Я предположил, что результатом этих болей были мои ночные засады перед отпуском, когда мы лежали на сырой земле в течение десяти ночей. Плюс ко всему—общее моральное и физическое истощение организма за год службы в Афгане.

Глава пятьдесят третья

Лишь двадцать восьмого декабря я полетел к брату в Новосибирск. Поздно ночью пришёл на КПП его воинской части в Мочищах, под Новосибирском. Олега вызвали, и я наконец встретился с братом. Он не ожидал меня здесь увидеть, и оттого встреча была яркой и эмоциональной. Мне было очень важно увидеть его.

С разрешения ответственного по роте офицера меня разместили в ротной ленинской комнате. Я достал гостинцы, приготовленные мамой. Мы поели, поговорили, и я попросил Олега, чтобы он поделился со своими сослуживцами разными вкусностями. Рядовой Коряков ушёл спать, впереди его и меня ждал непростой день. Затем я встретился с ответственным офицером. Это был командир роты, в звании капитана. Офицер тоже служил в Афганистане. Нам было о чём поговорить. Я спросил ротного:

— Есть ли хоть малейшая возможность отправить брата со мной в небольшой отпуск?

— Скорее всего, такой возможности нет. Рядовой Коряков прослужил в батальоне немногим более полугода, поэтому командование вряд ли пойдёт тебе навстречу,—возразил ротный.

Но я знал: в батальоне служит мой училищный старшина Валера Абрамов, командир стрелковой роты, к которому я и поехал ранним утром.

В училище со старшиной Валерием Абрамовым мы были в одном взводе, в одном отделении. Я—командир курсантского отделения, он хоть и старшина курсантской роты, но на занятиях я командовал Абрамовым, и когда мы встретились в расположении батальона охраны Сибво, мой училищный старшина был чрезвычайно рад меня увидеть. В училище он выделял меня и Санию Походина из всех курсантов и часто доверял нам выполнять особые поручения. Уже в начале учёбы, когда вся рота проходила курс молодого бойца, мы втроём мастерили встроенные шкафы в двух каптёрках нашей роты. Вечерами мы пели песни под гитару. Это занятие тоже нравилось старшине. Валера, как и я, был в группе курсантов, которая изучала французский язык. Он был очень старательным курсантом, но, без ложной скромности, у меня с французским получалось значительно лучше, чем у него, поэтому он иногда обращался ко мне за помощью, в чём я с удовольствием ему помогал. Все четыре года в училище прошли с нашим старшиной мирно и спокойно,

хотя по отношению к остальным ребятам он был неприим.

Я рассказал Валере о своём желании попытаться взять Олега с собой в отпуск.

— Надо подумать. Я попробую поговорить с комбатом, если сможешь убедить майора—флаг тебе в руки, я постараюсь организовать тебе встречу,—обнадежил старший лейтенант Абрамов.—Вечером поедем ко мне домой, Ирина накроет стол, посидим немного, пообщаемся.

— Хорошо, но только я должен знать, поедет ли брат в отпуск и надо ли покупать для него билет,—горел желанием закрепить свою надежду я.

— Ладно, я пойду к комбату и постараюсь с ним поговорить о тебе, решим твой вопрос, а потом—каждый по своим делам,—уступил Валера Абрамов.

До обеда я шатался по территории батальона, был в роте у старшего лейтенанта Абрамова. Затем посыльный пригласил меня к командиру батальона охраны штаба Сибво.

Зайдя в кабинет, я увидел здорового офицера, мы пожали друг другу руки. Большая тёплая ладонь внушала уважение. До назначения в это подразделение командир батальона командовал дисциплинарным батальоном Сибирского военного округа. Я без раскачки и по существу начал излагать свои мысли:

— Товарищ майор, я брат солдата, который служит под вашим командованием в роте штабных машин, в Мочище. Я служу в Афганистане заместителем командира роты, сейчас нахожусь в отпуске и хотел, чтобы вы предоставили возможность побыть мне немного дома вместе с братом. Я понимаю, что он прослужил не так много, чтобы заслужить такое право, и я бы никогда не стал просить за него, но здесь ситуация исключительная, и я прошу вас пойти мне навстречу.

— Как вас звать,—поинтересовался майор.

— Юрий.

— А по отчеству?

— Михайлович.

— Юрий Михайлович, я всё прекрасно понимаю, мы оба офицеры; хорошо, что вы такой сердобольный, но вы правильно заметили: он ведь отслужил всего полгода. Как на это посмотрят его сослуживцы?—комбат сомневался и не решался сделать ответственный шаг.—Да и особых заслуг у него нет, чтобы поощрять краткосрочным отпуском.

— Товарищ майор, я бы никогда и сам не насмелился пойти на такую просьбу, если бы не служба в Афганистане, тут ведь всё может случиться,—я попытался использовать последний аргумент.

Закурив, комбат поднял трубку телефона, набрал номер и спросил кого-то на другом конце провода:

— Здравия желаю, товарищ капитан! У вас в роте служит рядовой Коряков... Да, он у меня сидит. Хочу спросить вас: как он служит?

Протянулась пауза, которая показалась мне вечностью. Я очень неловко чувствовал себя в положении просящего человека, но ради наших с Олегом родителей надо было довести начатое дело до логического завершения.

— Хорошо, срочно пишите ходатайство на его отпуск, и чтобы сегодня рапорт был в штабе батальона, а завтра рядовой Коряков должен быть в готовности убыть в отпуск сроком на десять дней, не считая дороги. Всё понятно?—распорядился комбат.

Наступило облегчение. Тут и без объяснений всё было понятно. Теперь необходимо было отблагодарить офицера. У меня, как у любого нормального человека, в такой ситуации происходит ступор. Не знаешь, как тактично предложить подарок и как человекотреагирует на твоё предложение... — Товарищ майор, как говорится, долг платежом красен. Прошу принять скромный подарок,—я достал из дипломата две бутылки армянского коньяку, набор наливных ручек «Паркер—Золотое перо» и поставил весь подарочный набор на стол.

— Ни к чему всё это, старлей, не надо этих сантиментов, лишнее это,—скромничал майор.

— Это от души и от чистого сердца, товарищ майор.

— Ладно, если бы не Абрамов, вряд ли бы твой брат поехал домой. Давай по маленькой,—переходя на «ты» и доставая из сейфа две рюмки и лимон, предложил комбат.

Мы выпили с майором по рюмке коньяку, он пожелал мне без проблем дослужить в Афганистане. Я ещё раз поблагодарил комбата и вышел из кабинета.

Почти сутки мы с братом добирались на поезде до Абакана. Рано утром тридцать первого декабря, в канун нового 1987 года, пешком от железнодорожного вокзала мы дошли до нашего нового дома по улице Советской. Перед тем как уехать в Новосибирск, я ничего не говорил родителям о своём желании привезти Олега в отпуск, и когда открылась входная дверь и они увидели на пороге своих сыновей, мама и отец чуть не упали в обморок... Это было настоящее родительское счастье...

Глава пятьдесят четвёртая

В начале февраля 1988 года, после отпуска, я возвращался к месту службы в Афганистан, в провинцию Кундуз. На военном аэродроме «Ташкент-Восточный» («Тузель») суета и неразбериха. Пройдены пограничный контроль и таможня. Большой проблемой при пересечении советско-афганской границы было провезти горячительные напитки, которые были запрещены к перевозке в Афганистан по причине горбачёвского «сухого закона». Чемодан весил килограммов двадцать пять. Я боялся, что у меня будет перегруз, а оплачивать лишнее было уже нечем. Все деньги оставил в отпуске. Опасения оказались напрасными,

так как особенно за этим никто из персонала аэродрома не следил. В чемодан, привезённый ещё из Чехословакии, я упаковал трёхлитровую банку «вишнёвого компота», запечатанную заводским способом. Вместо компота в банке был известный русский сорокаградусный напиток, подкрашенный настоящим вишнёвым сиропом.

Находясь в отпуске, я получил две посылки от родителей моего солдата Вилли Рубина из Эстонии. Первая посылка, с реактивами и фотобумагой для фотопечати и шоколадными конфетами, предназначалась для Вилли. Вторая посылка, в знак благодарности, предназначалась лично для меня. В ней был таллинский бальзам и набор хороших шоколадных конфет с ликёром.

Между тем после прохождения пограничного контроля разношёрстная военно-гражданская братия набилась в накопитель и пребывала в ожидании посадки в Ил-76. На старых, порядком обветшавших, обитых чёрным дерматином раздолбанных сиденьях, с чемоданами и разными поклажами, расположились уже побывавшие в Афганистане военнослужащие, которые возвращались из отпусков и командировок, и впервые ехавшие к новому месту службы офицеры и прапорщики, а также вольнонаёмные гражданские, в том числе и представительницы слабого пола. Кто-то спал, кто-то пребывал в смятении и тревоге от предстоящих событий. У одной из девушек в авоське я заметил кухонную утварь (чайник, чугунную сковороду и кастрюли разных калибров). Посадка явно затягивалась, и точного времени отправки никто не знал. Так прошло часа два. Несмотря на известный указ, необстрелянный народ стал украдкой доставать из своих загорничников припасённый алкоголь и закуски к нему. Контингент же «ограниченный», имевший опыт, выдерживал мхатовскую паузу...

Как говорится, общее горе и радость сближают людей, поэтому в местах, где появлялось горячительное, образовывались кружки по интересам. В одну из таких групп попал и я. Рядом с нашей компанией, у майора-артиллериста, одетого в повседневную шинель, на чемодане лежала гитара. Я спросил разрешения, настроил её под себя и спел одну из своих песен-переделок «Бадахшан», родившуюся в Файзабаде, на мотив популярной песни ВИА «Самоцветы» про Али-Бабу...

1.

В Файзабад решил я снова ехать, друзья,
Ой, Бадахшан!
На народ поглядеть и себя показать,
Ой, Бадахшан!
Вышел стар, вышел млад, каждый очень был рад,
Ой, Бадахшан!
Сапоги я привёз, была радость до слёз,
Ой, Бадахшан!

Привет:

Примирение в Афгане, но не дремлет шурави,
Лишь в родимом Бадахшане всё спокойно до зари...

2.

Я в дуканы зашёл и товар там нашёл,
Ой, Бадахшан!
Я «Командо» купил, много чеков спалил,
Ой, Бадахшан!
Лазурит на бакшиш, на компотик кишмиш,
Ой, Бадахшан!
Для ханумки браслет лишь за пару монет,
Ой, Бадахшан!

Привет.

3.

Вот настала пора, «дúхов» трогать нельзя,
Ой, Бадахшан!
Обнагтели они и в Кури вновь пришли,
Ой, Бадахшан!
Взять бы в плен восьмерых, ДШК на двоих,
Ой, Бадахшан!
Чтоб медаль нацепить и героем ходить,
Ой, Бадахшан!

Привет.

Ой, Бадахшан! Ой, Бадахшан!
Ой, Бадахшан! Ой, Бадахшан!
Ой, Бадахшан! Ой, Бадахшан!
Ой, Бадахшан! Ой, Бадахшан!

Незаmysловатая песенка произвела впечатление на присутствующих, и в железной кружке расплескался жизнеутверждающий напиток. Хороший напиток примиряет с неидеальным миром... Что-бы скоротать время и отвлечься от ненужных в данной ситуации мыслей, стали травить анекдоты, байки о жизни и службе в Афганистане. Хохот раздавался по всему помещению.

Сидевший рядом молодой лейтенант в выцветшей полевой форме-«афганке» рассказал в присутствии вышеупомянутой молодой женщины свою историю...

— Я ведь тоже, когда первый раз летел, по совету бывалых попутчиков, заблаговременно, перед вылетом, положил сковороду под мягкое место. А что вы смеётесь? Я правду говорю. Удобно устроился в Ми шестом, только жестковато чуток... Ну, значит, подлетаем к Файзабаду... Вертолёт почему-то завалился ближе к горам. Ну, думаю, капец нам пришёл. Уже приготовился к самому худшему, потому что вижу, как по нам лупят из всех видов кпвт. То тут, то там видны пробоины от пуль разных калибров. И тут такой удар в заднее место. Я аж на полметра подпрыгнул, боль, не могу при дамах сказать, в каком месте... Осмотрелся—вроде живой, и вертолёту ничегошеньки... Короче, сели мы, я осмотрелся, поднял сковородку, а в ней

вмятина, вот такая,— лейтёха закольцевал свои ладони в большой круг.

Восторг и удивление женщины и всех, кто, развесив уши, впервые летел в Афганистан, не знали границ. Не знаю, может, и правда была такая история: кто теперь проверит?..

Принимая всё сказанное за непреложную быль, попутчица обрадовалась, что у неё есть такое средство противовоздушной обороны. И вот уже у офицера в кружке забултыхался ядрёный напиток. Без малого десять часов мы просидели в мирном накопителе, отсрочив себе непредсказуемое продолжение будущего полёта и приземления.

Как всегда неожиданно, в громкоговорителях прозвучало приглашение на посадку. Народ спокойно, без суеты, потянулся со своим скарбом на перрон, где нас уже ждал самолёт на Кабул. Лайнер был оборудован сиденьями-скамьями в два яруса. Мне, как бывалому пассажиру, досталось место возле кабины пилотов на кресле борттехника-оператора. Все разместились согласно «купленным билетам». Двигатели запустили, самолёт не спеша тронулся со стоянки и проследовал к старту взлётно-посадочной полосы. На лицах моих соседей-попутчиков я увидел плохой скрываемый страх от предстоящего путешествия и неопределённости. Майор-артиллерист с гитарой оказался рядом со мной, на втором ярусе. Суета в движениях и взгляде, испарина на полысевшей голове, неизвестность предстоящих событий выдавали тревогу, которая передалась и мне.

«Ильюшин» замер перед броском. Двигатели взревели на полную мощь. Самолёт набрал скорость, необходимую для взлёта, и нехотя оторвался от бетонной полосы, помчав в неизведанную для многих даль. Иллюминатор был далеко, и я урывками мог наблюдать землю до момента, когда самолёт, заложив вираж, вышел на заданный курс до афганской границы.

Спустя минут двадцать лайнер набрал высоту, народ успокоился. Кто-то уснул или делал вид, что спит. Кто-то о чём-то разговаривал с соседями. Каменное лицо майора наводило на определённые мысли. Я видел, как он мучается, но не мог понять отчего. И вот, когда самолёт приступил к снижению над аэродромом Кабула, развязка свершилась. Видимо, в эту минуту сложилось всё: и выпитый накануне алкоголь, и страх, и то, как осуществлялась посадка «по-афгански»...

У всех, кто находился внутри самолёта, уши сворачивались в трубочку, дыхание учащалось и сбивалось в непривычный ритм, людей придавливало к сиденьям. И тут бравый майор-артиллерист не выдержал. Всё содержимое его желудка изрыгнулось на собственную шинель и на попутчиков, сидящих под ним на нижнем ярусе. Зрелище было неопишное, эмоции переполняли организм...

Слава Богу, что наше путешествие закончилось и мы приземлились целые и невредимые, если не считать моральных потерь от «фонтана» майора-артиллериста...

Глава пятьдесят пятая

В Кабуле, на пересыльном пункте, в казарме модульного типа, неожиданно я встретил командира миномётной батареи нашего батальона— капитана Алексея Визитиу. Радости не было предела. Знакомое лицо на пересыльном пункте в Кабуле!!! Это что-то... Мы подошли друг к другу, поздоровались, обнялись...

Я физически почувствовал высохшую правую ладонь капитана. Я видел, как он её держит, оберегая от ненужного контакта. Потом, чуть позже, увидел, как он нагружает руку резиновым эспандером. Он возвращался после лечения в Кабульском армейском госпитале.

— Лёша, что случилось?— спросил я.

— Потом расскажу,— нехотя ответил командир батареи.

Я не стал лезть к человеку в селезёнку. Видно было, как ему неловко находиться в этой ситуации. Но что-то подсказывало мне, что есть какая-то тайна того, что с ним произошло.

Вечером капитан рассказал мне, что перед самым Новым годом подорвался на mine, типа МОН-50, когда ехал на ГАЗ-66 с заставы командира третьей роты к себе в расположение. Подрыв произошёл со стороны водителя, младшего сержанта Польшина, который принял на себя почти весь заряд от мины. Кабина автомобиля со стороны водителя была изрешечена убийными элементами, как дуршлаг... Командиру батареи досталось два осколка в правую руку, которой он держался за поручень в кабине, перебив десять сантиметров сухожилия.

Паша умер по дороге в медсанбат на руках у рядового Анатолия Кирюшкина...

Что тут скажешь? Горечь от потери солдата, сына, брата и очень хорошего молодого человека, ничем нельзя измерить. Павел Польшин служил в нашей роте и был прикомандирован в миномётную батарею как водитель БРДМ-2 для передачи своего боевого опыта вновь прибывшим молодым бойцам батареи. Ещё накануне моего отпуска он попросил нас, отцов-командиров, отозвать его из миномётной батареи в свою родную вторую роту, так как молодые солдаты-водители батареи возмужали и окрепли, а в нашей роте у него были друзья и два земляка из Украины. Наш ротный Сергей Ефимкин написал рапорт на имя командира батальона с просьбой вернуть солдата в роту, но, видимо, что-то не сложилось, и теперь мы все вместе винили себя, что не настояли и не сберегли своего солдата от злополучной мины...

После рассказанного мы с Алексеем и с соседями по модулю помянули Пашу. В разговоре

с капитаном я почувствовал недосказанность, он отводил взгляд и уходил от ответов на мои прямые вопросы. А вопросы были. Как он оказался на заставе у командира третьей роты? С какой целью он туда ездил, да ещё на ГАЗ-66? Почему поздно возвращался на свою заставу? Почему поехал по неустановленному маршруту?

Развязка и ответы на мои «почему» наступили, когда я приехал в расположение своей роты. За столом по случаю моего прибытия я услышал всю правду о том, что произошло на самом деле...

Накануне нового 1988 года, двадцать девятого декабря 1987 года, два приятеля, командиры подразделений нашего батальона капитан Визитиу и капитан Трижичинский, решили встретиться на заставе командира третьей роты. Капитан Визитиу приехал на злополучном «шестьдесят шестом». Друзья засиделись дольше положенного, а возвращаться на глазах у всего батальона—это навлечь на себя гнев командования. Поэтому командир батареи принял решение ехать другим, окружным путём, не сказав о своём плане ротному.

Когда отъехали от заставы несколько метров, прозвучал взрыв мины, которая была установлена на обочине дороги. Самое паршивое в этой ситуации было то, что мина, на которой подорвался «шестьдесят шестой», была установлена бойцами третьей роты под командованием капитана Трижичинского. Минное поле было накрыто вокруг всей заставы на случай предупреждения от внезапного нападения «дúхов», а мины направленного действия, по инициативе командира третьей роты,—на обочинах дороги, которая располагалась с тыльной стороны заставы. О том, что, кроме основного минного поля, были ещё и мины направленного действия на обочинах дороги, никто в батальоне не знал.

Павла Польшина за мужество и героизм наградили орденом Красной Звезды посмертно.

История получила своё продолжение спустя несколько лет. Уже вернувшись в Союз после Афгана, в начале девяностых, я смотрел передачу на одном из центральных телеканалов о всесоюзном фестивале солдатской песни. Ведущая зачитала письмо сестры Павла Польшина. Меня словно резануло по живому... В памяти вновь промелькнули события тех лет. Сестра просила откликнуться сослуживцев её брата и рассказать правду о том, как погиб Паша. На родине солдата, в школе, где он учился, в память о нём силами учащихся организован музей.

Какую «правду» и что я мог рассказать сестре Павла Польшина? Нужна ли ей эта «правда»? Не знаю...

Глава пятьдесят шестая

В первых числах февраля 1988 года я возвратился из отпуска. За время моего отсутствия случилось

событие, описанное выше, и ещё один инцидент, который едва не закончился трагично для нашего командира батальона майора Чуваева и Сергея Ефимкина...

В начале января, в сумерках, с заставы миномётной батареи наблюдателями было замечено передвижение трёх «барбухаек» по автодороге в направлении Ханабада. Миномётным огнем были остановлены три большегруза, доверху забитые разным барахлом. В одну из машин мина попала прямой наводкой. После доклада командира батальона майора Чуваева С. А. командиру 201-й дивизии о случившемся комдив категорически запретил выезд бронегруппы к месту, где находились «барбухайки». Лишь на следующий день, ближе к вечеру, комдив приказал, чтобы один грузовой «Мерседес» («барбухайка») стоял у ворот его штаба.

Для досмотра машин и эвакуации одного автомобиля из батальона приехали группа в составе двух бронетранспортёров под командованием майора Чуваева С. А. и тревожная группа нашей роты с Сергеем Ефимкиным и Габилем Мамедовым. Место, где была остановлена колонна, Сергею было хорошо знакомо—это место где мы полгода назад устраивали реализованную засаду. Теперь в засаду попали мои сослуживцы. При подъезде к машинам в сторону бронетранспортёров прозвучали автоматные выстрелы и три выстрела из гранатомёта. К счастью, все три гранаты пролетели мимо цели, четвёртая граната так и осталась в гранатомёте. Первой очередью пуля попала в открытый люк новенького БТР-60 ПБ, полученного накануне, за которым сидел комбат, а оболочка от пули срикошетила командиру батальона в лицо. Окровавленный комбат укрылся внутри бронетранспортёра. Ответным огнём трое «дúхов» были уничтожены на месте. Один из автомобилей стоял без кабины, которую взрывом мины разорвало в клочья, второй лежал на боку в грязи рядом с первым. Судя по всему, пытаясь объехать, он застрял и опрокинулся набок. Третий стоял невредимым, но все попытки столкнуть его с места закончились без результата. Во время осмотра места боя и «барбухаек» бойцы обнаружили в одном из автомобилей хорошо замаскированный тайник, в котором находились импортные (английские) медикаменты в больших количествах, наркотики, оружие и боеприпасы. В двух других были продукты и одежда.

Собираясь в обратную дорогу, по пути следования к своему бронетранспортёру, старший лейтенант Ефимкин чуть не пострадал от непроизвольной очереди одного из военнослужащих нашего батальона, который шёл сзади офицера...

Глава пятьдесят седьмая

По случаю моего приезда за ужином мы договорились с командиром роты, что обязательно

съездим в медсанбат и навестим майора Чуваева. Из отпуска я привёз «вишнёвый компот», который был к месту в холодный зимний вечер, разных вкусных сибирских деликатесов и передачу для своей землячки—Любы Ямм, которую мне ещё предстояло найти в управлении 201-й мотострелковой дивизии.

— Юра, ты знаешь, как оценили нашу с тобой работу?—спросил меня ротный.

— Какую работу, Серёга?—забыв о засаде полугодовой давности, вопросом на вопрос ответил я.

— Знаешь, как говорили фронтовики: «Ваньке за атаку хрен в сраку, а Машке за...—Красную Звезду»,—ротный не скрывал своего гнева.—Во время твоего отпуска вместо Красной Звезды мне перед строем вручили «Звезду Шерифа» (орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, которым в мирное время в Союзе награждают за успехи в боевой и политической подготовке).

Через пару недель прилетел представитель наградного отдела сороковой армии и забрал у меня этот орден, вручённый перед строем батальона, сказав, что он вручён по ошибке, и втихаря всучил мне медаль «За боевые заслуги», которую я отказался получать и оставил в батальоне. Представляешь, Михалыч, какие клоуны?—ещё больше разошёлся ротный.—Саню Локтионова, командира второго взвода, тоже перед строем наградили орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» третьей степени и также заменили на медаль «За боевые заслуги». Так он взял орден и на глазах помощника начальника наградного отдела армии выбросил его в выгребную яму. Хорошо, солдатики нашли его и достали...

Я был в шоке от этой новости и уже не спрашивал о своём награждении.

— А о твоей награде вообще нет никакой информации,—предвидя мой вопрос, продолжил Сергей.—Я видел твоё представление на орден Красной Звезды и, судя по тому, как обошлись со мной, не удивлюсь, если тебе тоже придёт медаль,—не унимался ротный.

В отличие от нас с Сергеем, старшего лейтенанта Игоря Крамарчука, «комсомольца» нашего батальона, который вместе с нами был в засаде, наградили орденом Красной Звезды. У политработников своё отделение кадров и, соответственно, свой наградный отдел, поэтому ему без всяких заминков и проволочек, своевременно пришёл орден, к которому его представили.

Забегая вперёд, скажу, что свой орден я всё же получил, только получил я его спустя пять лет после представления к награде, в 1992 году, в Абаканском военкомате, в будничной обстановке и в узком кругу (начальник отдела по учёту офицеров запаса и я). К тому времени я уволился из армии и работал в народном хозяйстве, но, как говорится, дорогá ложка к обеду. Кто знает, как

сложилась бы моя армейская карьера, если бы у меня был этот злополучный орден?..

Глава пятьдесят восьмая

Наутро мы с Сергеем прибыли в расположение дивизионного медсанбата. Погода стояла мерзкая, моросил дождь, а под ногами—лужи и слякоть. Затянутое серой дымкой небо усиливало и без того неблагоприятное душевное состояние...

Мы зашли в помещение медсанбата и попросили дежурную медсестру вызвать комбата на улицу. Через пару минут Сергей Александрович стоял перед нашими глазами с заклеенной лейкопластырем щекой, в добром здравии и расположении духа. Встреча была тёплой, но недолгой. Мы не стали донимать майора расспросами, пожелали скорейшего выздоровления. А для ускорения процесса выздоровления я оставил комбату отлитый в пол-литровую бутылку «вишнёвый компот» и закуску...

Собираясь в обратную дорогу, Сергей заскочил в местный магазинчик, а я стоял на улице, так как чеков после отпуска у меня не было. Мне предстояло ещё разыскать свою землячку. И вдруг, среди всей этой толчеи и грязи, на маленьком пятачке кундузского медсанбата я увидел знакомое лицо. Это была чуть ниже среднего роста, с яркими красными губами, в полевой форме, знойная брюнетка—прапорщик Любовь Ямм.

Люба—подруга моей двоюродной сестры Светланы. Мы несколько раз встречались в Абакане и общались с ней. Мои родственники рассказали, что Люба служит в Афганистане, в Кундузе. Зная, что я в отпуске, Люба через родственницу попросила привезти из дома резиновые сапоги и шерстяные носки, что я с удовольствием и сделал. Мы тепло обнялись. Я видел, как женщина была рада встретить человека, который совсем недавно был на её родной земле и привез её частичку...

— Вот так встреча, Люба! Не ожидал... Люба, почему Афганистан? Есть же другие страны, где можно было продолжить службу: Венгрия, Чехословакия, гдР, Польша, наконец, Монголия,—я высypал на молодую женщину кучу вопросов...

— Привет, Юрик, рада тебя видеть,—уклонилась от ответа на все вопросы Любовь.

— Вот твои сапоги и носки,—я доставал из сумки самые необходимые в данной ситуации элементы одежды.

— Спасибо, Юра! Как там Абакан, что нового?

— Да не за что, любой на моем месте поступил бы точно так же. Абакан стоит, куда он денется? В Абакане проходил международный турнир по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия». Расскажи, как ты, как устроилась, где служишь?—Всё хорошо. Слава Богу, на боевые не берут, политика национального примирения, без меня обходятся, как ни странно...

— Любовь Ханоновна, я вас умоляю, «ви», как всегда, вовремя приехали с политикой национального примирения, скоро вывод войск, — не удержался я от ироничного тона.

— Я служу в управлении дивизии, в отделе заместителя командира соединения по тылу, — Люба была немногословна. — Живу во втором модуле, вроде бы всё устраивает. Кстати, у нас много красивых молодых и незамужних девушек, — загадочно произнесла Люба. — Ты ещё никого себе в спутницы жизни не нашёл?

— К вам тяжело пробраться, у вас охрана, мужики здоровые на входе в модуль стоят, караулят красивых да молодых, чтобы, не дай Бог... Может, лучше к нам в роту? У нас тепло, баня, душ и бассейн, культурная программа и хороший ужин.

Люба потеплела и заинтересовалась.
— А женихи-то для меня есть? — вкрадчиво спросила Люба.

— Есть, два прапорщика, но они оба женаты.
— Нет, прапорщиков мне не надо, я сама прапорщик, лучший кандидат для меня — не ниже майора.
— Что-нибудь придумаем...
— Договорились. Юра, как с тобой связаться? — спросила Люба.

— Всё очень просто. Попросишь, чтобы соединили с «Гусаром» — это наш батальонный позывной, а он, в свою очередь, соединит с «Оврагом» — это наша вторая рота. Запомни, «Гусар» и «Овраг», — я выстроил логическую цепочку соединений с нашей ротой.

— Давай, до встречи. Может, сегодня и позвоню, — последней фразой Люба создала интригу.

А это означало, что надо ждать землячку в гости, да не одну, и, возможно, сегодня вечером. Что ж, мы всегда рады встретить хороших людей.

Под моросящий дождь мы с Сергеем откланялись и уехали в расположение своей роты.

Глава пятьдесят девятая

После обеда поступил звонок от начальника штаба батальона. Нашей роте предписывалось находиться в готовности для участия в армейской операции. О продолжительности такого состояния не сообщалось...

Ротный отдал распоряжение по всем заставам о приведении подразделения в боевую готовность. Фактически мы и так постоянно находились в этом состоянии. Требовалось немного — отдать команду, и мобильная тревожная группа, учитывая, что определённое количество личного состава должно находиться на заставах постоянно, в течение нескольких минут была готова выполнить поставленную задачу.

С гостями на сегодня придётся повременить. Мы сидели в сержантском классе и фантазировали по поводу знакомства наших прапорщиков с Любовью Ханоновной.

— Николай Сидорович! — Сергей обратился к технику роты, старшему прапорщику Верховскому. — Вы интеллигентный человек, умеете себя правильно подать, тем более давно не общались с представительницами прекрасной половины. Готовы к знакомству?

— Да ну вас, товарищ старший лейтенант, — техник слегка засмутился, и по лицу пробежала лёгкая улыбка. — И как вы себе это представляете?

— Как, как — нормально. Сейчас позвонит Юрина землячка. Любовь Ханоновна говорила нам сегодня днём, что «они очень хотят» встретиться именно с вами, Николай Сидорович.

Лицо прапорщика покрылось испариной и покраснело от предвкушения встречи...

— А вдруг «имям» не «пондравится»? — решил подыграть наш техник.

— Так это ж от вас всё будет зависеть, вы как никто другой можете обаять кого угодно, мы-то вас знаем. Вон сколько писем от «любовниц» приходит, — решил пошутить я.

— Все эти письма от жены и детей! Какие любовницы, Юрий Михайлович? — повысив тональность своего ответа, перейдя на фальцет, ответил техник.

Николай Сидорович опустил на грешную землю, и было видно, как его охватила тоска и печаль... Шутки закончились, техник расстроился и ушёл к себе в комнату.

Со старшиной знакомить не хотелось. Он вообще был нелюдимым человеком. Он старался не попадаться на глаза ни Сергею, ни мне. Старшина выполнял всё, что положено старшине, не более того, и без души. К тому же в самый ответственный момент мог подвести. Он был любителем выпить втихаря.

Прервав наши буйные фантазии, неожиданно раздалась трель телефонного аппарата ТА-57. На другом конце провода ротный услышал голос моей землячки и передал трубку мне.

— Да, «страшный» лейтенант Коряков, слушаю.
— Здравствуй, Юра, ещё раз. У одной из наших девочек сегодня день рождения, она приглашает тебя с Сергеем на ужин, — без раскочки начала Люба. — Мы вас ждём к шести часам вечера.

— Люба, передай девушке от нас с Сергеем большое спасибо за приглашение, но у нас возникла небольшая проблема, о которой нельзя говорить по телефону.

— Ничего не знаю, мы вас будем ждать, у нас уже почти всё готово.

Я посмотрел на часы, которые показывали семнадцать часов двадцать минут...

— Постараемся что-нибудь придумать, но если нас не будет ровно в восемнадцать часов, значит, мы не смогли... Да, как зовут девушку? — поинтересовался я у Любы.

— Екатерина, — коротко ответила прапорщик Ямм и положила трубку.

Вот так всегда бывает: в самый неподходящий момент поступает предложение, от которого трудно, а практически невозможно, отказаться. Что делать? Оставаться в расположении и выполнять приказ командования или принять приглашение и использовать его для нечастого общения с представительницами слабого пола? Про слабый пол — отдельная тема для более глубокого разговора. Не такой уж он и слабый, этот пол, если считать, что в большинстве своём женщины разных возрастов, преследуя разные цели, отправлялись служить в Афганистан, находились в одинаковых со всеми военнослужащими условиях и испытывали те же тяжести и лишения, что и остальной ограниченный контингент.

Возвращаясь к любимому выражению, что «из каждой безвыходной ситуации есть как минимум два выхода», мы стали искать возможность ненадолго отлучиться из расположения роты.

Такая возможность есть всегда, когда в подразделении чётко организованы служба войск и взаимодействие...

Мы решили не отказываться от приглашения, приехать и поздравить именинницу, посидеть для приличия чашик и возвратиться в своё расположение. Замысел заключался в следующем: на бронетранспортёре скрытно, по оврагу, подъехать как можно ближе к управлению дивизии. Взять с собой переносную радиостанцию для связи. Заместитель командира первого взвода старший сержант Ураков, находившийся в управлении роты, в случае необходимости должен был на нашей «секретной» частоте выйти на связь с водителем бронетранспортёра рядовым Володей Помазковым, а тот, в свою очередь, — докладывать обо всех изменениях обстановки. Для связи с командирским БТР у нас с собой была переносная радиостанция P-148.

Через десять минут, с выключенными фарами, чтобы не привлекать внимание, мы выехали в управление дивизии и ровно в восемнадцать часов переступили порог комнаты, где уже всё было готово к торжеству. Я проверил связь — всё принимало и передавало, как учили...

Глава шестидесятая

— Здравия желаю! Командир ни разу не Краснознамённой второй роты, кавалер ордена Сугулова за «прогибание» третьей степени, трижды «орденнопросец», «страшный» лейтенант Сергей Ефимкин. От имени и по поручению бойцов нашей роты поздравляю виновницу сегодняшнего торжества Екатерину с днём рождения! — с порога представился и поздравил именинницу наш ротный.

Такой заход являлся отличительной особенностью Сергея. Этим он располагал к себе всех присутствующих и с первых минут создавал неформальную атмосферу праздника, словно с этой компанией мы встречались не в первый раз.

Собственно, и времени-то на раскачку не было, а наличие громадной конкуренции у малого количества женщин в Афганистане вполне оправдывало бурный натиск Сергея...

Улыбки и дружелюбный смех наполнили небольшую комнату щитового модуля, в которой расположились девушки. Сколько их находилось в помещении, теперь и не вспомнить. С непривычки глаза разбегались от такого количества женщин. Я зашёл значительно скромнее и вручил виновнице торжества новенький кофейный сервиз с мелодией, одолженный у Николая Сидоровича.

Среди приглашённых гостей был ещё один офицер, которого я не сразу узнал. Старший лейтенант Чугришин Владимир, командир взвода миномётной батареи нашего батальона, скромно сидел в углу помещения и старался не привлекать к себе внимания. Спустия очень много лет он напомнил нам эту встречу в женском модуле 201-й мотострелковой дивизии...

Как и уговаривались, мы пробыли недолго на званом торжестве, но сумели произвести хорошее впечатление на присутствующих девушек, которые не хотели нас отпускать. Сергей травил анекдоты и рассказывал интересные истории из армейской жизни. Я спел свои песни-переделки под гитару, которые с успехом принимали в любом коллективе.

Напоследок, перед самым уходом, Люба подошла и вкрадчиво спросила нас:

— Юра, Серёжа, скажите, кто из девушек вам больше понравился?

От такого вопроса я смутился и ответил примерно следующее:

— Все девочки хорошие и достойные, и выделить кого-то не могу.

Но Люба настаивала:

— Ребята, скажите, а то девчонки обидятся...

Выбор действительно был трудным. Да мы и не преследовали цель конкретно познакомиться для каких-то определённых отношений. Нам просто надо было на некоторое время окунуться в «мирную» жизнь и переключиться с военной обстановки на гражданскую. Так что и конкретного ответа от нас не последовало. С тех пор в Афганистане мы не встречались с прапорщиком Любовью Ямм, тем более с её подругами из управления 201-й мотострелковой дивизии. Сейчас трудно вспомнить причину, по которой я не поддерживал отношения со своей землячкой. Скорее всего, не позволяли нам отлучаться из расположения роты большая занятость и то, что о нашем посещении узнал командир дивизии, который приказал командиру батальона с особой тщательностью следить за своими подчинёнными.

Глава шестьдесят первая

В ночь на восьмое марта 1988 года из отпуска прилетел командир первого взвода нашей роты

лейтенант Габиль Мамедов. Я встретил взводного на аэродроме, и, несмотря на позднее время, мы быстро организовали его встречу у себя в цупе — так мы называли место, где жили ротный, я и техник, старший прапорщик Верховский Н. С.

Габиль привёз бакинские дары: балык из красной рыбы, икру и трёхлитровую банку «компота из фейхоа». Опрокинув первый «нурсик» за встречу, мы с Сергеем посмотрели друг на друга и почти одновременно произнесли:

— Габиль, что-то никакой крепости в «компоте» нет, как будто простой воды с освежителем выпили, — недоумевал я.

— Габиль, что ты налил в банку? — спросил ротный. — Мужики, как вы сами учили — водку, потом положил несколько плодов экзотического фрукта и закатал крышкой банку... — виновато произнёс взводный.

— Эти зелёные штучки — как они называются? — продолжил допрос Сергей.

— Фейхоа, фрукт такой тропический, у нас в Азербайджане растёт, — продолжил лейтенант Мамедов.

Николай Сидорович достал из банки фейхоа, разрезал его пополам и откусил зелёный плод...

Лицо техника слегка скривилось, и он протянул мне вторую половинку фрукта. Не раздумывая, я тоже решил попробовать фейхоа и обнаружил, что как раз во фрукте оказался почти весь алкоголь. Испробовав несколько плодов, мы поняли, что фейхоа абсорбировал из «компота» весь алкоголь и понизил его крепость, а реакция организма на фрукт оказалась адекватной — мы все почувствовали эффект опьянения и через некоторое время удалились на отдых...

Однако сон продолжался недолго. В пять часов утра из батальона поступил звонок командира. По данным радиоперехвата, в зоне ответственности нашего батальона работала «духовская» радиостанция. В Международный женский день это могла быть подготовка к обстрелу Кундузского гарнизона, и работающий радиопередатчик мог служить для корректировки стрельбы реактивными снарядами. Комбат сообщил координаты, в пределах которых могла находиться радиостанция.

Тревожная группа в составе: рядовой Суранчиев Досым, сержант Чорней, рядовой Кабылов Абдыманап (Малик), рядовой Юсупов, старший сержант Ураков Хуршед, рядовой Мадамбеков Ганишер, рядовой Магомедалиев, ряд. Сухомлинов Владимир, рядовой Короблёв Дмитрий, рядовой Саидов Файзали, старший водитель сержант Помазков Владимир, рядовой Казанцев Алексей, — была поднята по тревоге для выполнения поставленной задачи. С командиром роты по карте мы определили предполагаемое место выхода в эфир радиостанции и без промедления выдвинулись на место работы передатчика.

Местность была знакома и изучена нами досконально. Мы знали каждую складку, ложбинку и бугорок. Точка координат находилась в овраге, примерно в четырёх километрах от заставы управления нашей роты. Время в пути заняло немногим более десяти минут, и когда мы спустились в овраг, то увидели прямо перед собой большое стадо овец и баранов, рядом с которым находились семь афганцев разного возраста из близлежащего кишлака. Солдаты произвели досмотр каждого пастуха и пастушонка. Никаких подозрительных предметов, а тем более радиостанции мы не обнаружили. Почти всех афганцев мы знали в лицо, однако среди них был чужой, бородатый, с посохом, в чёрной чалме, в выцветшей накидке, пастух. Ротный через переводчика подозвал чужака к себе поближе и стал допрашивать

— Кто такой? Где живёшь? Чьи бараны?

— Гарип, командор, гарип (бедный, командир, бедный), — запричитал «пастух».

— Что ты заладил: гарип, гарип? Где радиостанция, сучонок? — повторил Сергей.

— Гарип, гарип! — не унимаясь и переходя на крик, завопил афганец.

Я связался с управлением батальона и доложил, что в указанном квадрате нашей группой обнаружено стадо овец. Комбат приказал произвести досмотр каждой овцы, потому что, по словам командира, незадолго до обнаружения нами овечьего стада в указанном месте вновь работал радиопередатчик. Но как обыскать каждую овцу, никто из нас не мог представить...

Сергей матом обрушился на пастуха и зачитал «приказ Верховного Главнокомандующего» о наказании «пастуха» и приведении приговора в исполнение на месте, приказав ему рыть могилу для себя... Саидов перевёл бородатому приказ старшего лейтенанта Ефимкина. Кто-то из бойцов принёс из бронетранспортёра БСЛ-110 — большую сапёрную лопату сто десять сантиметров — и отдал афганцу. Не понимая, что делать, и озираясь по сторонам, «гарип» всё же принялся копать себе яму.

Бойцы прочесали всю близлежащую местность. Результата не было. Тем временем, внимательно приглядевшись к баранам и овцам, я увидел, что бока некоторых из них подкрашены краской разного цвета. Возможно, под длиной шерстью одного из окрашенных животных могла быть спрятана радиостанция. Ротный отдал командоу бойцам поймать несколько овец, вымазанных краской, и проверить их на наличие радиостанции и других предметов...

Ловля баранов заняла несколько минут. И результат не заставил себя долго ждать. Под одним из баранов бойцы нашли заветную радиостанцию. Мы первый раз в жизни увидели импортную «Моторолу». Она отличалась от привычных армейских приёмо-передающих устройств габаритами,

внешним видом и, конечно же, характеристиками...

Сергей поднялся на бронетранспортёр и вышел на связь с комбатом. После доклада ротный подошёл к «гарипу».

— Откуда у тебя рация, чужак? — старший лейтенант Ефимкин орал ему прямо в ухо.

«Пастух» с остервенением мотал головой в разные стороны, одновременно выкрикивая:

— Гарип, гарип!!!

— Ничего себе бедный! Юра, давай скручивай этому уроду руки — и на «броник», увезём в дивизию, пусть там с ним разбираются кому положено! — командовал ротный.

Связав «пастуха» верёвками, бойцы закинули его на бронетранспортёр. Мы понимали, что остальные пастухи, среди которых были дети, подростки и мужчины среднего возраста, тоже связаны с «духами», но решили не брать с собой всех и оставили молодняк на месте со стадом, так как считали, что душман использовал их для прикрытия. С собой забрали лишь двоих взрослых афганцев, остальные ребята всегда были под рукой. Мы знали, где они живут, чем занимаются, и в случае необходимости спокойно могли с ними разобратся...

В ожидании торжественного мероприятия по случаю празднования Международного женского праздника рядом с клубом стояли военнослужащие 201-й дивизии и наряженные женщины. Мы гордо проехали мимо них и остановились недалеко от штаба дивизии. Передача «духа», вещественного доказательства и сопровождавших афганцев, а также дача пояснений компетентным органам заняли немного времени.

Между тем командир дивизии, выйдя из помещения штаба и увидев афганцев, лично решил допросить «духа». Он подошёл к нему на предельно близкое расстояние, взял его пальцы в свою руку и, выкручивая, заорал ему в ухо, заливая душмана слюной:

— Сучара, я тебя разорву, как Тузик грелку, ты у меня будешь ссать где попало!!!

Переводчик переводил бедолаге ругань комдива. Душман, скорчившись от боли и слегка постанывая, не произнёс ни одного слова. Все стоявшие рядом военнослужащие и гражданские лица, наблюдавшие за происходящим, были в шоке...

Мы с Сергеем постарались отойти в сторону и незаметно, как это позволяла обстановка, уехали в своё расположение...

Глава шестьдесят вторая

В середине марта 1988 года командир третьего взвода нашей роты старший лейтенант Артём Купин, выпускник Алма-Атинского общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза И. С. Конева, уезжал в очередной отпуск.

Мне предстояло заменить его и на полтора месяца поселиться на его заставе, которая располагалась в крепости.

По долгу службы я много раз бывал на этой заставе. Максимум три-четыре часа пребывания на удалённом расстоянии от «цивилизации» — и я снова оказывался в привычной для себя среде, где есть электричество, душ, прохладный бассейн и общение с немногочисленными офицерами и прапорщиками роты. Теперь же предстояло прочувствовать все прелести автономного пребывания в рамках ограниченного пространства.

Крепость Насири располагалась между кишлаками Мадраса и Накель, на краю обрыва, который протянулся от южного Кундуза до Алиабада. Основная угроза обстрелов воздушных судов исходила со стороны зелёной зоны, расположенной вдоль дороги на Кундуз, поэтому большинство огневых средств, приборов наблюдения и разведки было сосредоточено на этом направлении. Вокруг заставы по периметру было «накрыто» смешанное минное поле (растяжки соседствовали с минами нажимного действия), огороженное двойным забором колючей проволоки. Боевые позиции были оборудованы окопами с ходами сообщений в полный рост и капонирами для трёх бронетранспортёров БТР-70 и одного БРДМ-2. На огневых позициях были установлены два миномёта, калибра сто двадцать и восемьдесят два миллиметра. Кроме этого, в распоряжении взвода имелись два автоматических гранатомёта АГС-17, которые были закреплены на вращающихся танковых опорных катках. Один из наблюдательных постов был оборудован станцией ближней разведки СБР-3, которая позволяла в любое время суток, в условиях отсутствия оптической видимости, производить наблюдение за местностью. С помощью этой станции в ночное время наблюдатель мог отслеживать любые передвижения, точно определяя направление и дальность до цели. Это позволяло эффективно использовать все имеющиеся огневые средства в ночное время.

Крепость представляла собой прямоугольник двадцать пять на тридцать метров, с высотой стен от шести до восьми метров. Толщина стен у основания — почти метр. В углах прямоугольника располагались башни, обращённые к «зелёнке». На втором этаже одной из башен было помещение командира взвода. Во второй, дальней от входа в крепость башне был оборудован наблюдательный пост со станцией ближней разведки. В связи с тем, что под помещением начальника заставы находился склад боеприпасов, было принято решение установить по периметру башни дополнительный глиняный забор на всю высоту склада. Комната командира взвода представляла собой небольшое уютное помещение, с деревянной кроватью и столом. Два окна были занавешены

марлей и светомаскировкой, свёрнутой в рулон в дневное время суток. На полу лежал афганский тканый ковёр.

Солдаты размещались, в двух помещениях, пристроенных к противоположной от входа в крепость стене, между которыми была оборудована веранда с длинным солдатским столом, огороженная небольшим штaketником, выкрашенным в синий цвет. В спальнях комнатах стояли двухъярусные кровати с прикроватными тумбочками. Рядом со спальным помещением, в правом углу, находилась кухня. Очаг с настоящим казаном, в котором готовились практически все блюда, располагался у стены, справа от входа в крепость. На противоположной от очага стене на специальных стеллажах висели бронежилеты с касками и носимый запас боеприпасов в вещмешках для каждого бойца. Рядом со стеллажом была оборудована беседка для курильщиков. Справа от стеллажей для бронежилетов находился специальный лаз, устроенный под основанием стены. Через него осуществлялся выход личного состава из крепости на боевые позиции. В жару бойцы выносили кровати на улицу. Готовясь ко сну, военнослужащие смачивали простыни водой, потому что из-за духоты спать в помещении было невозможно.

Для приготовления пищи использовались в основном консервированные продукты. Даже картофель был в трёхлитровых стеклянных банках, в водном растворе с солью и лимонной кислотой. Воду на заставу доставляли один раз в два-три дня, в полуторакубовой бочке, установленной на автомобиле ГАЗ-66, собранном из запасных частей, найденных на дивизионном «кладбище» военной техники. Чтобы охладить воду или любую другую жидкость в любую жару, использовались глиняные кувшины или полугоралитровые солдатские полиэтиленовые фляжки, которые укрывались смоченной водой материей и выставлялись на сквозняк. Через полчаса жидкость в этих ёмкостях была прохладная.

Для освещения помещений в ночное время использовались фонари «летучая мышь» и подручные осветительные приборы, сделанные собственными руками (сплюснутые гильзы от крупнокалиберного пулемёта со вставленными в них кусочками ткани в виде фитиля или же простая ткань, опущенная в консервную банку с растительным или машинным маслом).

Глава шестьдесят третья

До мая 1987 года в крепости располагался пост Царандоя (Министерства внутренних дел Афганистана), численностью восемь человек, но когда всех восьмерых военнослужащих-афганцев вырезали душманы, командование 201-й дивизии приняло решение перевести один взвод нашего батальона

на их место. Царандоевский пост переместили в «зелёнку», на дорогу, прямо перед крепостью. Задачей военнослужащих, находившихся на посту, была проверка транспорта, который направлялся в Кундуз. Это был своеобразный фильтр перед большим городом, целью которого было минимизировать поступление оружия и боеприпасов в столицу провинции Кундуз.

Пост представлял собой глинобитное помещение с одним окном и шлагбаумом на дороге для остановки транспорта, движущегося в направлении Пули-Хумри—Кундуз. Командиром поста был лейтенант Царандоя товарищ Валиахмед, которого мы между собой звали просто Валирка. Валирка окончил специальные курсы первоначальной подготовки и переподготовки Ростовской высшей школы милиции в Новочеркасске и неплохо разговаривал на русском языке. На вид ему было около тридцати лет. Валиахмед носил пышные усы, был худощав, подтянут и всегда чисто выбрит. Он постоянно находился в весёлом и приподнятом настроении. Мы изредка встречались с ним во время моих приездов на заставу. Особенно часто царандоевец посещал нашу крепость тогда, когда у мусульман был пост Рамадан. Валирка приходил измождённый и голодный к нашему обеду. Мы приглашали его покушать вместе с нами, но он всегда отказывался. Иногда Вали соглашался и просил: «Командор, опусти светомаскировка, чтобы Аллах не видел». И тогда уплетал приготовленный обед за обе щёки...

Однажды командир поста пришёл на заставу в послеобеденное время и, увидев меня вместо Артёма, сильно удивился. Улыбка исчезла с его уст... — Здравия жилаю, товарищ командор! А где товарищ Артём?

— Здравия орзу, шарики комил фармондэи! — почти по-афгански приветствовал я командира поста. — Артём в отпуске, я некоторое время буду вместо него...

— Харащё. Он ничё не передавал тебе? — спросил Вали.

— А что он должен передать?

— Ну, там, надо поддержка кам-кам (маленько) давать, — стал пояснять Валирка.

— Какой такой поддержка? — я слегка перестроился на афганский манер.

— Ну, когда душман придёт ко мне, надо камкам стрелять по оригир перьвий, лево десять, по агесъ, по минамёт, — как бы оправдываясь, продолжил Вали.

Гораздо позже я узнал, что иногда, когда Валирка превышал свои должностные полномочия и обирал больше допустимого «барбухайки» (афганские грузовые машины) с товаром, проезжающие мимо поста, водители автомобилей жаловались «дўхам» на чиновничий беспредел командира поста, и ночью обиженные вместе с душманами

приходили к Валирке, чтобы проучить царандоевцев и забрать «конфискованный» днём товар. — Да, что-то такое Артём говорил, — я с пониманием отнёсся к просьбам Валиахмеда и пообещал поддержку в случае нападения «дúхов» на царандоевский пост. . .

Мы поднялись на второй этаж, в комнату начальника заставы. Я угостил Валирку свежим индийским чаем с конфетами, он расслабился, а я стал расспрашивать его о жизни.

— Вали, у тебя семья, дети есть?

— Да, мама, папа, братья и сёстры есть. Свадьба скоро будет. Я тебя приглашай на свадьбу. Придёшь?

— Если позовёшь, по возможности обязательно приду, — немного лукавил я. — А невесту давно знаешь? Красивая девушка?

— Я невесту не видел, только мама да папа один раз девичку видел.

— Так как же ты будешь жениться, если ты невесту не видел? Мало ли кого могут подсунуть?

— Я только руку девички кам-кам выдель и как-кам ногу в туфельке тоже видел, — показал на своей руке маленький кусочек тела Вали.

— И что, как рука?

— Рука такой маленький, кожа белый-белый, — расставив указательный и большой пальцы, показал размер ноги, закатывая глаза от удовольствия, похвалился Валиахмед.

— А лицо видел, ну хоть глаза?

— Нет, не видел, только рука и нога, она в чадра бил. Папа говорил, очень красивая девочка.

— Почему не женишься, в чём проблема, и когда свадьба?

— Свадьба скоро, только надо калим платить. Когда сабиру калим, тогда буду свадьбу делать.

— А где жить будете?

— Мал-мал дом будем строить, рядом с родителем, но не знаю ещё когда, а пока у папы дома будем жить.

Да, сложно всё у них. И калым отдать за невесту, и дом построить, и жена должна дома сидеть, за хозяйством смотреть. Наверное, так и должно быть, чтобы не разводиться, как у нас, после первого года совместного проживания, оттого что в бытовом плане не всё устроено.

— А у тебя есть жена? — Валирка обратился ко мне.

— Нет, я такой же холостяк, как и ты. Вот это нас с тобой объединяет.

Свадьба моя сорвалась пять лет назад, но я ни о чём не жалел, особенно когда поехал в Афганистан. Мало ли что могло произойти?.. А так я — холостой молодой человек, не обременённый семейными узами. Единственные близкие люди, которые ежеминутно переживали за меня, — мои родители и младший брат. Может быть, благодаря отцу, маме и их беззаветной вере я вернулся домой живым. Они каждую субботу ходили в церковь, ставили свечу и молились за меня.

Перед уходом командир царандоевского поста ещё раз попросил поддержки.

— Вон туда, по минамёт, по агеэс, — Вали показал на местность, куда мои бойцы должны будут стрелять в случае нападения «дúхов».

Глава шестьдесят четвёртая

Прошло несколько дней моего пребывания на заставе. Чтобы скрасить моё одиночество, днём периодически приезжал Сергей. В один из первых приездов я доложил командиру роты о просьбе Валиахмеда. Сергей дал добро на оказание помощи с нашей стороны, если будет очень серьёзная ситуация. . .

После завтрака, до обеда, я проводил тренировки с личным составом по действиям в случае возникновения внештатных ситуаций на заставе и подступах к ней. Личный состав проводил учебные стрельбы из всех видов вооружения, находящихся на заставе. После обеда, во время пика жары, бойцы, не задействованные в дежурстве, уходили в спальное помещение и отдыхали. Ближе к вечеру весь личный состав производил чистку оружия, водители бронетранспортёров и наводчики пулемётов обслуживали технику и вооружение. Каждый день вечером, после ужина, на построении я отдавал боевой приказ на охрану и оборону участка зоны ответственности нашей заставы, уточняя ориентиры, порядок действий, сигналы оповещения и взаимодействия и доводил до подчинённых пароль с отзывом.

С наступлением ночи из близлежащего кишлака на всю округу раздавалась вечерняя молитва мульты. Молитву хорошо было слышно лишь ранним утром и в вечернее время. Мой организм с особым чувством реагировал на завывания муллы. Я не понимал, в чём смысл его молитвы, но душераздирающий и выворачивающий наизнанку душу голос, раздававшийся бесконечным эхом по «зелёнке», не оставлял никого равнодушным. В такие минуты меня всегда охватывали тревога и беспокойство, и на подсознательном уровне этот голос приводил в чувство, говоря мне: «Юра, ты на чужой земле, со всеми вытекающими последствиями. . .»

Кроме этого, вокруг крепости происходила активизация ночной жизни животных. Особенное беспокойство вызывали шакалы. Да, эти мерзкие существа вопили в непосредственной близости от заставы, потому что внизу, под обрывом, бежал маленький ручеёк, и многочисленная стая шакалов приходила к нему, чтобы усладить жажду прохладной влагой. Впервые услышав вопли шакалов, я подумал, что это люди так кричат или громко смеются. Очень неприятные ощущения.

Глава шестьдесят пятая

Ночью я почти не спал. И вот однажды крик командира царандоевского поста пробудил моё полудремотное состояние.

— Товарищ кумандир, орифир первый, лево десять, по агэс, по минамёт давай стреляй!!!—благим матом заорал Валирка.

В одно мгновение личный состав взвода был поднят по тревоге. Через пару минут все бойцы заняли свои огневые позиции...

В ночной тишине голос царандоевца раздавался особенно громко. Понятно, рядом «дүхи», и есть большая вероятность погибнуть смертью храбрых, не испытав прелестей семейной жизни...

Расчёт гранатомётчиков по моей команде произвёл пристрелочный выстрел.

— Товарищ кумандир, давай ещё по минамёт, по агэс, бистрейший!!!—царандоевца разрывала безнадёга, и он продолжал отдавать мне «команды».—Товарищ кумандир, давай бистрейший, пилять, мне физьдес будет, ёфтвая щизьн.

Меня одолевали смутные сомнения: откуда такой богатый словарный запас наших крепких русских выражений в арсенале у афганца? Ах да, Вали три года учился в Советском Союзе...

«Ну, я тебе припомню и мою жизнь, и всё остальное, гадёныш...»

Сначала миномётчики выпустили осветительную мину на двести метров из стадвадцатимиллиметрового миномёта, чтобы Валиахмед и его бойцы могли лучше разглядеть «дүхов». Наводчик миномётного расчёта заранее выставил прицел и произвёл один выстрел восьмидесятидвухмиллиметровой осколочно-фугасной миной...

— Ха-ра-шо, товарищ кумандир! Давай ещё по агэс, кам-кам! Орифир первый, лево десять, дальше пятьдесят!—скорректировал огонь гранатомётчиков Валирка.

Гранатомётчики ввели поправки и по моей команде произвели две длинные очереди из АГС-17. — Та-ша-кур (спасибо), товарищ кумандир! Весё, п...ц душманам...— поблагодарил меня и моих бойцов за работу Валиахмед.

Воцарилась тишина, как будто не было никаких выстрелов, миномётных разрывов, очередей из гранатомёта и всей этой «войны». Было ощущение, что всё это действие происходило не со мной.

После выполнения задачи я приказал разрядить оружие, проверил его на предмет наличия патронов в патроннике и отдал распоряжение заместителю командира взвода поставить оружие в пирамиды.

В возбуждённом состоянии я провёл остаток ночи. Только под утро смог немного вздремнуть.

С первыми лучами солнца к крепости выдвинулась делегация афганцев из пяти человек во главе с Валиркой. На входе в расположение заставы, перед проходом в минном поле, я приветствовал крестьян по мусульманскому обычаю. По выражению лиц афганцев я видел, что они явно чем-то расстроены.

Валиахмед, с покрасневшими от бессонной ночи глазами, рассказал, как во время ночного нападения на его пост стабилизатором осветительной мины, выпущенной из нашего миномёта, попало в голову корове. Бедняга стояла в открытом стойле хозяйственного двора рядом с царандоевским постом и скончалась от прямого попадания осветительной мины... В качестве доказательства один их пришедших афганцев показал окровавленный корпус осветительной мины со стабилизатором.

Где-то уже было подобное происшествие. Нет? Это случайная гибель животного, и мне в очередной раз предстояло разругивать неприятную ситуацию.

Я отвёл Валиахмеда в сторону. — Вали, какого хрена ты их сюда привёл? Давай сам решаешь все вопросы. Понимаешь же, что это случайно произошло?

— Конечно, товарищ командир, я-то понимаю, а как мне быть? Они вэсегда рядом,—показывая на крестьян, оправдывался Валиахмед.— Я боюсь, они меня могут резать, говорят, чтобы шурави (советские) отдали бакшиш (подарок) за корову. — Какой бакшиш, Вали? Ты в своём уме? Мы помогли тебе, и ты сам должен разругивать ситуацию. Это случайно. Понимаешь?

— Латно, что-нибудь придумую,—Валирка развернулся и подошёл к афганцам.

Жестикуюя руками, командир поста стал что-то объяснять своим соседям, те, поднимая руки к небу, возражали. Перепалка продолжалась несколько минут. Мне надоели эти разборки. Я решительно подошёл к толпе и в вежливой форме посоветовал как можно быстрее уйти от крепости.

Вечером, точно по расписанию, командир поста со своим помощником снова нарисовались около крепости. В руках у Вали была упаковка баночного пенного немецкого напитка, у помощника— много разных фруктов, овощей, афганского риса и свежей говядины.

— Это тебе, командир,—Вали протянул упаковку пива.— А это твоим солдатам,—царандоевец отдал дыню, фрукты и всё для плова.— Сегодня в обед приезжали «хадовцы», вэсэ сматрели, изучали, спрашивали меня, сказали, что нападавшие душманы из банды...

— Зачем всё это?—я показал на принесённые царандоевцем бакшиши.

— Унас так принято делать,—засмутился Валирка. — Как-то это не по-людски. Понимаешь, Вали? — Почему? Ты мне помог, я тебе благодарить...

— Это наша обязанность—помогать друг другу. Если бы я этого не сделал, ты бы не стоял сейчас рядом со мной.

— Правильно, поэтому не обижай меня и моих сарбозов (солдат). Ви помогли нам, ми хотим благодарить вас,—Валирка протянул правую руку и слегка склонил голову.

В ответ я тоже приветствовал его рукопожатием...

Глава шестьдесят шестая

В конце марта 1988 года начальника штаба батальона майора Панченко К. А. назначили командиром батальона охраны штаба 40-й армии. Должность начальника штаба оказалась вакантной. Все военнослужащие батальона были уверены, что на эту должность назначат нашего ротного, старшего лейтенанта Сергея Ефимкина. Это ожидание выглядело вполне логичным и оправданным. За полтора года службы в Афганистане под командованием Сергея сначала первая, а затем и вторая роты батальона стали на порядок лучше по всем показателям. Среди офицеров батальона это была самая достойная кандидатура, но где-то на более высоком уровне так не считали, поэтому с перемещениями пришлось повременить. Сергею прямым текстом было заявлено, что начальником штаба нашего батальона он не будет и свою службу в Афганистане до замены продолжит в своём родном подразделении.

На период отсутствия начальника штаба Сергей категорически отклонил возможность исполнять обязанности нш. По его предложению, мне представилась такая возможность — в течение неопределённого количества времени попрактиковаться в этой должности. Меня срочно отозвали из расположения заставы третьего взвода, и со своими скромными пожитками я переехал через овраг в управление батальона.

С первых минут пребывания в батальоне я почувствовал разницу в условиях проживания. Меня поселили в комнату «старого» нш, с кондиционером. А это в Афганистане большое дело, которое не требует дополнительных пояснений... При пятидесятиградусной жаре на улице, находясь в комнате, я мог и замёрзнуть.

Я с головой окунулся в работу начальника штаба, начав с изучения текущей документации. Каждый день приходили приказы, директивы и кодограммы из штаба 40-й армии.

На еженедельных совещаниях офицеров и прапорщиков батальона мне приходилось доводить руководящие документы до всех военнослужащих. Главной и неотъемлемой частью моей работы были организация и контроль боевой подготовки и службы войск во всех подразделениях батальона.

Мы с командиром батальона по очереди совершали объезды по нашим заставам. Я в основном ездил по заставам третьей роты и миномётной батарее. Проезжая по заставам других подразделений и внимательно изучая особенности несения службы незамыленным взглядом, я видел недостатки и, исходя из опыта службы в своей второй роте, подсказывал командирам, что необходимо

сделать для более качественного выполнения возложенных на всех нас задач.

При посещении миномётной батареи мне нравилось, как всё у них устроено. Каждый офицер, сержант и солдат знали свои задачи и чётко действовали согласно боевому расчёту. На заставе был почти идеальный порядок.

В третьей роте, которая располагалась на трёх заставах второго полукольца охраны аэродрома Кундуз, были нюансы. Удалённость от «цивилизации» накладывала свой отпечаток и на офицеров, и на бойцов, поэтому было ощущение, что они немного диковаты, и каждое появление нового для них человека воспринималось ими как нечто особенное. Я видел, как они ловили каждое моё слово, потому что для них я был другим, непривычным человеком.

Глава шестьдесят седьмая

Через две недели моего пребывания в должности исполняющего обязанности нш в батальон приехал новый начальник штаба, капитан Копашин Василий Владимирович — среднего роста, худощавый, выпускник Бакинского общевоинского командного училища 1980 года выпуска. Он приехал из Дальневосточного военного округа. Познакомившись и пообщавшись поближе, я узнал, что это его второй заход в Афганистан, первый был с 1983 по 1985 год в Асадабаде. Сначала он был командиром гранатомётного взвода, а затем служил командиром разведвзвода в мотострелковом батальоне. В первый раз в Афганистан он прибыл, так же как и я, из Центральной группы войск. Вместе с капитаном Копашиним учился мой сослуживец и друг по ЦГВ старший лейтенант Артур Балаев.

В меру своих возможностей я помог капитану принять дела, сопроводив и показывая ему расположение застав нашего батальона. Конечно, всё, что он увидел, в сравнении с его первым пребыванием в Афганистане было для него необычным. Здесь, в Кундузе, спокойнее, к тому же после 1986 года активных боевых действий проводилось намного меньше. Но, несмотря на это, необходимо было в любую минуту быть в готовности к выполнению возложенных на батальон задач.

Имея боевой опыт, капитан Копашин видел недостатки и заострял на них пристальное внимание. В основном они касались инженерного оборудования боевых позиций на заставах батальона. В большей степени это касалось застав третьей роты. В этот момент я и предположить не мог, что через месяц меня назначат командиром этой роты и мне самому предстоит выполнять мероприятия по устранению недостатков, на которые нш указал «старому» ротному, капитану Трижичинскому...

А пока я снова оказался в привычной для себя обстановке, среди своих, уже родных и близких мне, сослуживцев.

Глава шестьдесят восьмая

Пятнадцатого мая 1988 года начался первый этап вывода советских войск из Афганистана. У нас в батальоне не все до конца понимали серьёзность этого мероприятия. Думали, что это очередная кампания для дезориентации мирового сообщества. Примерно такая же, какая была в августе 1986 года, когда «выводили» шесть полков, укомплектованных дембелями и офицерами-заменщиками со всего Афганистана.

Многие офицеры и прапорщики не хотели досрочно заменяться в Союз. Большая часть из них вообще не представляла такого итога пребывания в Афганистане. Кто-то не до конца обеспечил себе необходимую выслугу лет, кто-то в полной мере не пополнил свои чемоданы «бараклом», кто-то не стал «помощником» Героя Советского Союза или не получил «заслуженную» награду. Скорый вывод войск из Афганистана, и нашего батальона в частности, внёс коррективы в мою дальнейшую службу на афганской земле...

У меня были определённые планы и ожидания перемен по службе, но я не форсировал события. Да и как я мог на них повлиять? Я знал, что командиром файзабадской первой роты стал лейтенант Артур Егиазарян, что Арсалан Гомбоев заменился и уехал в Союз заместителем командира роты, хотя, наверное, мог бы спокойно стать ротным в Файзабаде. В то время я не до конца понимал, что на самом деле происходит с назначениями на должности и представлениями к наградам. Вся эта круговерть событий и интриг проходила мимо меня. И слава Богу. До последнего дня я не знал о своей дальнейшей участи в Афганистане.

В начале июля 1988 года меня вызвал комбат майор Чуваев С. А. и рассказал, что направил в штаб армии документы на представление меня на должность командира третьей роты нашего батальона. Для меня это известие было полной неожиданностью.

— Юра, документы на тебя ушли месяц назад. Скоро батальон будет выходить в Союз, и нам надо быстрее определиться с командиром третьей роты, потому что Трижичинского переводят в батальон охраны штаба сороковой армии. Поэтому надо срочно лететь в Кабул и забирать приказ о твоём назначении,—по-отечески произнёс комбат.

— Когда лететь?

— Прямо сейчас звони на аэродром, уточни, когда будет борт на Кабул,—и вперёд. Да, можешь захватить к майору Панченко, он тебе поможет попасть в штаб армии, и возьми с собой огненной жидкости на всякий случай.

В штабе батальона мне выдали командировочное предписание, я записался на ночной рейс до Кабула и стал собираться в путь. Устаршины взял два литра самогонки, пару банок консервов, буханку хлеба и мыльно-пузырные принадлежности.

Услышав гул самолёта в ночном кундузском небе, выехал на бронетранспортёре на аэродром. Стандартная процедура посадки—и снова Ан-12 в воздухе, теперь уже со мной на борту. Особых эмоций не было, и страха тоже не было. Всё буднично и привычно. Теперь все мысли были о новом назначении, но сначала нужно было получить заветный приказ. Как-то и не верилось. Неожиданное назначение, перед самым выводом...

К одиннадцати часам в громкоговорителе пересильного пункта объявили мою фамилию для отправки в штаб армии. Погрузившись в автобус, я впервые ехал по Кабулу. Сидевший рядом со мной капитан-политработник стал моим гидом, показывая достопримечательности афганской столицы. А вот и батальон охраны штаба 40-й армии. На кпп спросил майора Панченко К. А.

Дежурный сделал звонок и назвал мою фамилию. На другом конце провода комбат отдал распоряжение пропустить меня, и через несколько минут я сидел в кабинете Сергея Александровича.—Привет, Юра, рад тебя видеть. Как долетел?—мы обнялись с майором.

— Без происшествий, всё штатно. Вам бакшиш от нашей роты,—я достал две бутылки самогонки из сумки и поставил на стол.

— О, я помню этот славный напиток. Передай Сергею и старшине большой привет,—комбат не глядя убрал горячительное зелье в сейф.—Приказ на тебя я видел, он у кадровиков был, и его давно должны были отправить в батальон, но сейчас такая неразбериха, всё направлено на вывод войск. Давай сделаем так: сейчас я проведу небольшое совещание, ты пока посидишь на улице, и минут через тридцать мы пойдём вместе в штаб армии. Хорошо?

— Как скажете,—у меня, собственно, не было вариантов для каких-либо других действий и возражений.

Как и было озвучено, примерно через час мы оказались у здания штаба 40-й армии, бывшей резиденции лидера Афганистана Хафизуллы Амина. На дворе 1988 год, и, конечно же, ничего во внешнем и внутреннем убранстве дворца не напоминало о событиях девятилетней давности. Мы прошли внутрь здания, поднялись на третий этаж, и я оказался в кабинете начальника канцелярии штаба 40-й армии.

Без каких-либо промедлений офицер, ответственный за отправку приказов и распоряжений по частям 40-й армии, нашёл мой документ, отпечатал его копию и передал мне. Я расписался в получении приказа и отблагодарил майора поллитровой бутылочкой самогонки. Наконец у меня на руках был приказ о моём назначении на должность командира третьей роты нашего батальона...

Конечно же, я был рад этому событию. Для каждого офицера назначение на вышестоящую

должность — это значительное событие в его жизни. Морально я давно был готов к этой должности, теперь предстояло на практике доказать, прежде всего самому себе, что все мои знания и приобретённый опыт станут хорошим фундаментом для дальнейшей службы.

Глава шестьдесят девятая

Константин Александрович отвёз меня на своём «уазике» на аэродром Кабула. В ожидании отправки на Кундуз я провёл несколько часов. Около полуночи по громкой связи объявили список военнослужащих, среди которых была и моя фамилия. Посадка в самолёт прошла быстро. В самолёте уже стояли закреплённые ящики со скорбным «грузом-200». Пройдя мимо ящиков, я присел на боковом сиденье. Ан-12 летел из Кабула в Фергану, с посадкой в Кундузе. Жена моего двоюродного дяди по отцовской линии, тётя Надя Анискина, служила в медсанчасти ферганского авиационного полка. Назвав фамилию, я спросил у борттехника:

— Знакома ли вам Анискина Надежда? — на что офицер утвердительно кивнул головой.

— Хорошо, тогда передайте ей огромный привет от её племянника, — я назвал свою фамилию.

Мне тут же предложили пройти в гермокабину, в которой уже находились четыре офицера и один прапорщик. В знак благодарности я передал командиру экипажа «крайнюю» бутылку самогонки, припасённую на всякий случай.

Майор, командир экипажа, вышел из кабины пилотов и поинтересовался: кто же это передаёт привет в Фергану? Я встал, представился. Мы пожали друг другу руки.

— Обязательно передам привет Надежде Владимировне, — ответственно заявил командир экипажа. — Так, давай-ка за знакомство, старлей...

Офицер достал «мою» бутылку, налил в кружку зелёного цвета больше половины и залпом опрокинул содержимое, запив молоком из пакета, который стоял на импровизированном столе. Затем все, кто присутствовал при этом нашем «знакомстве», по очереди символически пригубили огненной воды.

— Ну ладно, полетели, — безучастно, почти полуслёпотом, произнёс командир экипажа.

Я многое повидал в Афганистане, но чтобы вот так, перед полётом, командир экипажа между делом выпивал спиртное...

Признаться честно, было немного дико от этой картины. Я не знал, как реагировать на всё увиденное. Да и никто из присутствующих офицеров не выразил никакого возражения на поведение лётчика.

Самолёт поднялся в ночное кабульское небо и взял курс на Кундуз. Как только Ан-12 набрал необходимую высоту, включился свет, дверь кабины

открылась, и оттуда появилась знакомая фигура майора.

— Остался ещё самогон? — спросил у присутствующих командир экипажа.

Увидев в бутылке, которая при наборе высоты чуть не упала на пол, остатки самогонки, майор опустошил её, ничем не закусывая, и удалился в кабину, которая оставалась открытой. Все сидевшие в гермокабине офицеры переглянулись между собой. Теперь у нас, свидетелей сего зрелища, были большие сомнения относительно мягкой посадки самолёта на взлётно-посадочную полосу аэродрома в Кундузе. Мы приготовились к самому худшему. Майор не унимался, для полного удовлетворения ему явно не хватило выпитого, и он попросил спирт у бортиженера.

— Может, хватит? — неуверенно спросил капитан в камуфляжной форме.

— Какой хватит? Эдик, наливавай грамм двадцать, — тоном, не терпящим возражений, произнёс майор.

Капитан налил чистого спирта в кружку, майор выпил, его физиономия скривилась, и он бухнулся в левое кресло пилота...

С замиранием сердца мы наблюдали эту безумную картину. Подлетая к Кундузу, в салоне выключили свет, самолёт нехотя приступил к снижению. Двигатели ревели на пределе своих возможностей и, словно чувствуя, что самолётом управляет нетрезвый человек, сопротивлялись командам пилота. После второго витка прожектор на земле высветил взлётку, и самолёт приступил к посадке. Но что-то пошло не так, и Ан-12, едва не задев выпущенными шасси вышку руководителя полётов, ушёл на второй круг... Мы слышали, как второй пилот выругался матом на командира и принял управление самолётом на себя. Со второго захода, схватив два «козла» на взлётно-посадочной полосе, мы проехали к дальней стоянке и выгузились на землю...

Под белы рученьки майора спустили по трапу и попытались увести подальше от руководителя полётов, который на полной скорости мчался к Ан-12 на аэродромном «уазике». Что было дальше, нас мало интересовало. Слава Богу, мы благополучно приземлились и устойчиво стояли на «родной» кундузской земле...

Глава семидесятая

После моего прилёта в Кундуз и назначения на должность командира третьей роты, почти за месяц до вывода нашего батальона в Союз, восьмого июля 1988 года, в батальоне произошло событие, о котором до сих пор нет точного понимания. Есть предположения, о которых попытаюсь рассказать, изложив свою версию случившегося чрезвычайного происшествия.

Каждое утро группа сапёров из трёх человек, которая была прикомандирована к миномётной

батарею, проверяла просёлочную дорогу, соединявшую управление батальона с миномётной батареей. Без обследования дороги на предмет установки минных заграждений и соответствующего доклада по инстанции ни одна единица техники не могла проехать по данному маршруту. За всё время существования батальона на дороге ни разу не было обнаружено ни одного минно-взрывного устройства. Тем не менее, как говорится, бережёного Бог бережёт. Поэтому каждое утро, в любое время года, три человека выходили из заставы миномётной батареи для «проверки на дорогах»...

По маршруту следования группы, в километре от дороги, располагалось несколько афганских кишлаков: Джазгузар, Маларги и Навиан. Афганцы свободно наблюдали за перемещениями и иногда выходили к нашим воинам на контакт. Теперь я могу только предполагать, что это были за контакты и что на самом деле произошло в то злополучное утро.

Ранним утром восьмого июля 1988 года ефрейтор Кутняк Сергей, рядовой Солтонов Анарбек и рядовой Усманов Миндияр спокойно и привычно встретились с жителями одного из близлежащих кишлаков и вступили с ними в диалог.

Накануне этой встречи бойцы заказали у афганцев бакшиши (подарки) для родных и близких, так как вывод войск был не за горами.

— Ну что, принесли платки, ткань, ручки? — спросил у афганцев рядовой Солтонов, который мог спокойно объясняться по-афгански.

— Да, вот, смотрите, всё как вы заказывали.

Развернув содержимое небольшой сумки, солдаты оценили товар.

— Вот пайса (деньги по-афгански) за товар.

Самый старший из афганцев ловкими движениями пальцев пересчитал пачку зелёных афгани. — Надо ещё принести кое-что, запоминай, Ахмед: часы — одна штука, кофейный сервиз — одна штука, костюм «Командо» — две штуки. Когда сможете принести?

— Принесём через три дня, давай пайсу.

— Нет, деньги отдам, когда принесёте бакшиши, — сказал, как отрезал, Усманов.

— Хорошо, принесу товар, но чтобы пайса была без обмена.

— Анарбек, дай пострелять из автомата, — умоляюще попросил один из афганцев.

Бойцы повернулись к Сергею Кутняку — он был старшим в группе, и Солтонов перевёл ему просьбу афганца.

— Надо дальше идти по маршруту, — решил отнекаться ефрейтор Кутняк.

— Да пусть пару выстрелов сделают вон по тем банкам, — посоветовал Миша Усманов.

Нехотя, будто предчувствуя нехорошее, Сергей буквально выдавил из себя последнюю фразу:

— Давай, только быстрее, нам надо уже быть в батальоне...

Сергея Кутняка, который служил в нашей второй роте, перевели в миномётную батарею зимой, во время моего отпуска. Он был уроженцем села Константиновка Донецкой области. Хороший солдат, настоящий воин, но, видимо, поддался уговорам, и день восьмое июля стал для него и для его сослуживцев последним днём...

Кто-то из бойцов передал автомат одному из афганцев, который, как и было условлено, сделал два выстрела по банкам, а затем развернул ствол в сторону наших солдат и расстрелял всех троих... Они не успели среагировать на подлость, пригрозившую «духами»... Собрав автоматы, бронжилеты, каски и шупы для разведки мин, душманы скрылись в кишлаке.

В расчётное время группа сапёров не вышла в расположение батальона, и командование миномётной батареи забило тревогу. Грузовой «Урал» немедленно выехал с заставы, и через несколько минут сидевшие в кабине автомобиля старшина батареи и водитель обнаружили тела своих трёх солдат... В сопровождении бойцов к месту трагедии подъехали командир батальона майор Чуваев и командир миномётной батареи капитан Визитиу.

Оценив обстановку и сделал соответствующие предположения, Алексей Визитиу проехал в кишлак Навиан, собрал старейшин и через переводчика выдвинул афганцам ультиматум:

— Если в течение трёх часов те, кто расстрелял моих бойцов, не вернут оружие и снаряжение, я разнесу кишлак на мелкие кусочки...

Старейшины стали заверять офицеров в том, что местные не могли так поступить, что они всегда были в добрососедских отношениях с шурави и никогда не позволяли себе подобного. Однако капитан прервал стариков, и в подтверждение своих слов командир батареи по радиостанции произвёл целеуказание и отдал команду на производство выстрела из миномёта. Через минуту в пятистах метрах юго-западнее кишлака все увидели и услышали взрыв ста двадцатимиллиметровой мины... Толпа старейшин загудела и стала размахивать руками. Посовещавшись, афганцы ушли в кишлак и пообещали вернуться через три часа.

Время ультиматума медленно и неуклонно приближалось к своему завершению. Никаких движений из кишлака в сторону наших позиций не было замечено. Ровно через три часа над кишлаком зависла осветительная мина, предупреждающая о начале обстрела кишлака осколочно-фугасными минами...

Странная, бессмысленная и глупая смерть троих наших солдат за месяц до вывода войск буквально обескуражила каждого воина нашего батальона. Мы все знали, что никогда нельзя доверять афганцам. Но наши безалаберность и расхлябанность

в очередной раз сыграли с нашими бойцами злую шутку. Мы всегда умны задним числом. Никто не мог подумать, что подобное может произойти, но это случилось, и оттого вдвойне горько и печально, что в результате собственного разгильдяйства три молодых человека, у которых впереди была длинная и счастливая жизнь, сложили свои головы на земле Афганистана...

Глава семьдесят первая

Вскоре я приступил к исполнению обязанностей командира третьей роты. На мою должность заместителя командира второй роты назначили лейтенанта Мамедова Г. С. Первый взвод принял вновь прибывший из Союза лейтенант Тедеев Тимур, выпускник Орджоникидзевого воку. Старшего лейтенанта Купина Артёма перевели в фаязабадскую первую роту, поэтому исполнять обязанности командира третьего взвода по совместительству стал Габиль Мамедов.

До вывода батальона в Союз оставались считанные недели. Времени на подготовку к выводу практически не было. Каждый день я ездил по заставам, которые располагались в центре Ишантопской степи, на удалении трёх-четырёх километров от заставы управления роты, и знакомился с личным составом подразделения. Смотрел, как устроен быт подчинённых, проверял готовность командиров взводов к выполнению боевых задач. Особое внимание уделялось состоянию техники и вооружения. Предполагалось, что во время вывода войск батальон до государственной границы должен будет совершить многокилометровый марш и уже там передать всю имеющуюся у него технику и вооружение.

Кроме трёх застав, в моём распоряжении был отдельный выносной танковый пост. Управление роты и первый взвод находились на одном из насыпных холмов. Существовала легенда, что эти холмы были захоронениями воинов армии Александра Македонского во время его похода через Афганистан при покорении Индии.

Второй взвод располагался в центре степи, на краю оврага (старого русла реки). Командовал взводом лейтенант Екимовский Александр, выпускник Ленинградского высшего общевойскового командного училища имени С. М. Кирова. Через заставу второго взвода проходила просёлочная дорога от управления батальона до миномётной батареи. Третий взвод располагался рядом с зелёной зоной, в пятистах метрах юго-западнее кишлака Джагузар. Взводом командовал лейтенант Сергей Левитский.

Моим заместителем был выпускник Омского воку 1985 года выпуска лейтенант Амиров Эдуард. В силу специфики службы нашего батальона и удалённого расположения застав мы мало общались с ним. К тому же он прибыл в батальон в июле

1988 года, а уже в августе батальон был выведен из Афганистана.

Десятого июля 1988 года ночную тишину Ишантопской степи разбудили взрывы и автоматнo-пулемётные очереди. Я быстро выскочил из своего помещения на ротный командный пункт и вышел на связь с командиром второго взвода лейтенантом Екимовским. Параллельно отдал команду тревожной группе быть в готовности выехать на помощь второму взводу. Взводный докладывал сбивчиво и неразборчиво, оттого невозможно было объективно оценить обстановку. Кроме этого, в наушниках слышались стрельба и разрывы. Я приказал Александру Екимовскому на время приостановить стрельбу, укрыть максимальное количество бойцов в окопах и внимательно, с помощью приборов ночного видения, наблюдать за прилегающей местностью. Через минуту возбуждённый командир взвода вновь вышел со мной на связь: — «Чинара», я «Чинара-595-й». Стрельбу прекратил, ответного огня никто не ведёт. При подрыве первых мин поднял заставу по тревоге и огнём из вооружения двух бронетранспортёров пресёк попытку нападения на заставу. Когда прекратил стрельбу, обнаружил, что рядом с минным полем находится стадо овец и коров. Я «Чинара-595-й», приём...

— «Чинара-595-й», я «Чинара». Почему в самом начале нельзя было внимательно рассмотреть это стадо? Я «Чинара», приём...

— Потому что...— Александр выдержал долгую паузу, он просто не знал, что ответить.

Я догадывался о причине, поэтому прервал его молчание:

— «Чинара 595-й», необходимо усилить наблюдение по всему периметру заставы, личному составу находиться на боевых позициях, быть в готовности к отражению нападения и немедленно докладывать обо всех изменениях обстановки. Я «Чинара», приём.

— Я «Чинара 595-й», вас понял, приём...

Мне стала понятна причина внезапной стрельбы. Хотя нельзя было сбрасывать со счетов и провокационный характер захода этого стада на минное поле. В преддверии скорого вывода войск «дүхи» могли специально отвлечь наше внимание взрывами мин и под их прикрытием атаковать заставу с другого направления или произвести нападение на соседнюю заставу. Также у них была возможность организовать засаду на пути следования тревожной группы, которая должна была выдвинуться на помощь второму взводу.

Находясь на возвышенности, мне хорошо были видны разлёт трассирующих пуль и взрывы мин, от которых загорелся сухостой. Я напомнил взводному о том, чтобы все бойцы находились в укрытиях и лишний раз не высывывали свои буйные головы под взрывы мин...

Доложив в штаб батальона о текущей обстановке и своих соображениях, я продолжал наблюдение и периодически заслушивал доклады командира взвода. Примерно через час взрывы прекратились. Только дым от пожара напоминал о случившемся. Ночь в июле закончилась, не успев начаться, и когда первые солнечные лучи осветили Ишантопскую степь, я собрал группу из шести человек и отправился на заставу лейтенанта Екимовского.

Почти одновременно со мной к заставе подъехал бронетранспортёр управления батальона с командиром майором Чуваевым С. А. и начальником штаба батальона капитаном Копашиним В. В. На минном поле и перед ним лежали трупы животных. Рядом, сгрудившись в один большой гурт, стояли остатки некогда большого стада... Лейтенант Екимовский, ещё не до конца отошедший от ночного «боя», докладывал нам с комбатом все подробности ночного происшествия. Два бойца привели пастуха в лохмотьях, который находился под воздействием чарса (афганский гашиш) и ночного кошмара, моргая и глядя на нас отрешённым взглядом, причитая и повторяя, как мантру, что он гарип (бедный)...

Картина произошедшего более-менее была понятна и ясна. Пастух, обкурившись вечером и потеряв контроль не только над собой, но и над стадом, завалился в небольшую ямку и уснул. Неуправляемое стадо животных в кромешной темноте забрело на минное поле и встретило жесточайший отпор наших бойцов. В течение всего «боя» пастух пролежал в своём укрытии. На нём не было ни малейшей царапины... В оправдание своих солдат могу сказать следующее: в светлое время суток наблюдатели контролировали перемещения животных по степи, но ближе к вечеру стадо спустилось в овраг и исчезло из поля зрения наблюдателей. Ночью бесконтрольное стадо «скрытно» подошло к заставе, напоролось на минное поле и получило заслуженный отпор...

Около сорока животных «смертью храбрых полегли на поле сражений». Естественно, никто из нас не испытывал восторга по этому поводу. Более того, была очевидная вероятность того, что большое начальство будет весьма расстроено этим событием.

Примерно через час к месту ночного происшествия подошла группа старейшин из близлежащих кишлаков Джаргузар и Навиан. Через переводчика мы объяснили, что же произошло сегодня ночью. Они хватались за голову, бормотали себе под нос какие-то фразы, но никто не обращал на них внимания. Начальник штаба батальона вызвал группу сапёров инженерно-сапёрного батальона 201-й мотострелковой дивизии, которые по прибытии на место немедленно приступили к «эвакуации» распнувших на солнце тел животных и восстановлению минно-взрывных заграждений.

Кто-то из стариков заикнулся о компенсации от потери части стада, но комбат в жёсткой форме остановил афганцев и приказал удалиться, напомнив им о недавней гибели троих наших бойцов от рук пришедших со стороны вышеупомянутого кишлака «дүхов».

По окончании разбирательств ко мне подошёл Саша Екимовский и полусёпотом сказал на ухо: — Командир, бойцы под шумок отвели на выносной пост несколько баранов. Какие будут указания?

— Да уж... Пусть пока постоят в укромном месте, потом что-нибудь придумаем. Только чтобы никаких следов, чтобы всё было чисто.

Я знал, что афганцы, придя в себя, пересчитают оставшихся в живых овец и коров, трупы эвакуированных животных и увидят численную разницу между тем количеством, которое было до обстрела, и тем, что осталось после происшествия. Поэтому я ещё раз обратился к лейтенанту Екимовскому:

— Саша, сделай так, чтобы комар носа не подточил...

Через пару дней, как и предполагалось, группа старейшин в сопровождении заместителя начальника политотдела 201-й мотострелковой дивизии прибыла в мою роту с целью обследования расположения застав и бронетехники на предмет наличия животных. К нашему счастью, никаких следов присутствия овец обнаружено не было, и афганцы не солоно хлебавши уехали восвояси...

Между тем в течение нескольких дней личный состав батальона питался свежим бараньим мясом...

Глава семьдесят вторая

Непосредственно перед выводом войск в батальон зачистили проверяющие. Через два дня после ночного «боя» со стадом овец в батальон приехал представитель отдела службы войск штаба 40-й армии, в звании майора. Я встретил офицера на заставе первого взвода. Мы познакомились с майором. Он, как и я, оказался выпускником Омского воку и учился с моим первым комбатом майором Алексеевым, под началом которого после выпуска из училища я служил в Центральной группе войск. Проверяющий попросил построить весь личный состав подразделения для проверки. Каждый солдат и сержант называл свои должность, звание и фамилию, а проверяющий сверял их со сведениями из штатно-должностной книги (шдк). Затем была проведена проверка оружия и наличия техники на заставе. Вся процедура заняла не более часа, и мы отправились на заставу второго взвода. Время в пути заняло не более десяти минут.

Перед входом на заставу нас встретил лейтенант Екимовский Александр. Я попросил построить личный состав, не задействованный в несении службы. Сборы были недолгими, лишь водители

бронетранспортёров немного задержались, так как они обслуживали технику и были в мазуте.

Наконец все бойцы, в две шеренги, с оружием, стояли в землянке перед кроватями. Каждый солдат представлялся проверяющему. Майор сверял данные военнослужащих с ротной шдк. В это время я обратил внимание, что в распахнутое окно доносятся одиночные автоматные выстрелы. — Лейтенант Екимовский, у вас все бойцы в строю? — спросил я у взводного.

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — уверенно ответил Александр Екимовский.

— Что это за стрельба на стрельбище?

Было ощущение, что кто-то стреляет одиночными выстрелами из автомата...

— Никто не может стрелять, весь личный состав здесь, за исключением трёх солдат, которые находятся на наблюдательных постах, — ответил начальник заставы.

Майор подозрительно посмотрел на нас обоих... В этот миг дежурный по заставе забежал в помещение и благим матом заорал:

— БТР горит!

Только этого ещё не хватало до полного комплекта неприятностей, обрушившихся в первые дни моего пребывания в должности командира роты...

Выбежав на улицу, мы увидели языки пламени, вырывающиеся из открытых люков, в районе двигателей бронетранспортёра, стоящего в окопе в пятидесяти метрах от нас, и разлетающиеся в разные стороны трассирующие пули боекомплекта, находящегося внутри БТР. Пожар ежесекундно набирал силу, а интенсивность разлёта пуль увеличивалась с геометрической прогрессией. О тушении пожара не могло быть и речи, тем не менее командир взвода надел на себя два тяжёлых бронезиленита, каску и по ходам сообщения подскочил к бронетранспортёру с левого борта, прихватив с собой два огнетушителя. В этот момент из верхних люков усилился нескончаемый вылет пуль, и пламя охватило задние пары колёс БТР, окутав чёрным дымом всё вокруг так, что едва было видно фигуру Александра Екимовского.

— Саня, уходи быстрее от «коробочки»! — командовал я.

С проверкой, мягко говоря, не повезло. Как назло, всё происходило на глазах майора, и он стал невольным свидетелем чрезвычайного происшествия на моей заставе. Я ещё раз крикнул взводному, чтобы тот отошёл от бронетранспортёра. Лейтенант и сам видел тщетность своих усилий, потому что пожар полыхал по полной программе и подобраться к месту горения было невозможно. К тому же была вероятность взрыва топливных баков. Мы отвели личный состав в помещение заставы и ждали окончания пожара...

Проверяющий, видя моё состояние, оказался нормальным мужиком. Он отвёл меня в сторону и сказал:

— Старлей, не переживай сильно, я представляю, сколько тебе придётся разгребать завалов и писать объяснительных, тем более вывод войск близко. БТР восстановлению не подлежит — это точно. Мой совет — его надо списать на боевые потери... Что ты будешь делать с ним, я не знаю. Но ты должен знать, я никому ничего докладывать не буду...

К сожалению, я не запомнил фамилию майора, который мог перевернуть мою судьбу в один миг, но я всегда с благодарностью вспоминаю этого офицера, выпускника прославленного Омского высшего общевоинского командного дважды Краснознамённого училища имени М. В. Фрунзе...

Половина горы свалилась с моих плеч. Проверяющий уехал в управление батальона, пообещав доложить комбату, что вины офицеров роты в случившемся нет...

На самом деле я прекрасно понимал, что результатом пожара были элементарные нарушения мер безопасности при выполнении регламентных работ по обслуживанию техники. Мысленно я представил, как мог загореться бронетранспортёр. Во-первых, перед началом работ с аккумуляторов не были сняты клеммы, и от этого, скорее всего, произошло короткое замыкание. Во-вторых, возможно, солдаты могли устроить перекур внутри БТР, а когда внезапно поступила команда на построение, впопыхах бросили окурки на днище бронетранспортёра, которые попали на промасленную ветошь. При температуре воздуха внутри бронетранспортёра около пятидесяти градусов загорание произошло мгновенно...

После отъезда майора у меня состоялся обстоятельный разговор с командиром взвода. Тяжело было смотреть на лейтенанта Екимовского, я представлял себя на его месте, но, по существу, мы оба должны были разделить груз ответственности за это происшествие. К этому моменту пожар закончился. Мы осмотрели бронетранспортёр. Внутри не было живого места. Всё внутреннее пространство было изрешечено пулями. Все приборы наблюдения и прицелы пулемётов выведены из строя. Двигатели расплавились, резина колёс выгорела дотла...

— Саня, что будем делать? — начал разговор я.

— Не знаю, надо попробовать восстановить то, что можно, — задумчиво ответил взводный.

— Да, пусть техник с водителями полазят по свалке техники и что возможно подберут там, предварительно составив опись всего, что необходимо. Надо проехать на дивизионный склад запчастей и там посмотреть то, что можно взять или поменять на нашу «валюту»...

Работа предстояла большая и серьёзная, а времени на восстановление бронетранспортёра уже

не было. Главное, чтобы БТР мог передвигаться на колёсах... Забегая вперёд, скажу, что этот злополучный БТР-70 в сопровождении лейтенанта Екимовского доехал до границы и там благополучно был передан на утилизацию...

Глава семьдесят третья

Время неумолимо приближало срок вывода нашего батальона из Афганистана. Готовились передаточные ведомости и акты, составлялись всевозможные списки, которые корректировались по нескольку раз в день. Подготавливались помещения застав и техника к передаче афганской армии. Времени на все подготовительные мероприятия катастрофически не хватало. Тем не менее двадцать седьмого июля 1988 года я отметил свой двадцать шестой день рождения в кругу своих друзей-сослуживцев.

Первого августа 1988 года из штаба батальона поступила команда о передаче застав батальона и техники военнослужащим афганской армии. Ближе к вечеру второго августа в расположении заставы первого взвода появились «сарбосы» (солдаты афганской армии), в количестве десяти человек. Я познакомился с командиром взвода и сказал ему, чтобы он компактно разместил своих подчинённых в землянке. Мы вместе прошли по территории заставы. Я показал афганцу границы минных полей, все помещения — землянку для личного состава, кухонное помещение и столовую, канцелярию командира роты и взвода, склады боеприпасов и продовольствия. В заключение я провёл командира «сарбосов» в крытый бассейн, который накануне был наполнен чистой водой. Я видел глаза афганца и слышал, как он щёлкает языком в знак удовлетворения от увиденного. Поэтому, не оттягивая в долгий ящик процедуру передачи заставы, я пригласил командира в свою канцелярию для подписания акта приёма-передачи имущества и помещений. Кроме помещений, мы передавали тяжёлое вооружение: автоматические гранатомёты АГС-17, пулемёты ДШК и «Утёс», боеприпасы ко всем видам вооружения. С такими запасами афганцы могли воевать не менее полугода. При себе мы оставили личное стрелковое оружие с одним боекомплектom и ручные гранатомёты.

Утром следующего дня была назначена передача техники на площадке перед въездными воротами в штаб батальона. Вечером командиры взводов по радиосвязи доложили о передаче своих застав афганцам. Я уточнил порядок сдачи техники и пожелал им быть бдительными и усилить наблюдение за «сарбосами» на своих заставах, выставив рядом с ними охрану. Надо сказать, что к третьему августа две трети личного состава подразделений нашего батальона уже отправились в Союз рейсами транспортной авиации, поэтому к моменту

передачи застав афганцам в расположении оставалось минимальное количество солдат и офицеров.

Беспокойная «крайняя» ночь на заставе прошла в ожидании предстоящих событий. Я старался свести к минимуму общение с командиром «сарбосов» и не заснуть в ответственный момент, хотя утро следующего дня не сулило ничего хорошего...

Наутро я привёл себя в порядок и в крайний раз окунулся в прохладу бассейна. Солдаты последовали моему примеру. После нас, не снимая обмундирования, в бассейн запрыгнули афганцы. Было такое ощущение, что они в первый раз увидели воду в бассейне. Они радовались как дети. А выйдя из воды, стали валяться в пыли и кричать от восторга... От увиденного мы были в шоке...

На построении взвода я сказал несколько напутственных пафосных слов своим бойцам: — Товарищи солдаты и сержанты, подходит к завершению наше пребывание в Афганистане. Нам ещё предстоит сложный этап переброски в Союз. Главное — мы с вами выполнили поставленную перед нами задачу и сохранили свои жизни. Осталось совсем немного. Каждый отвечает за каждого. Помните, нас ждут родные и близкие...

Лица бойцов были серьёзны и сосредоточены. Я скомандовал: — По машинам!

Я никак не мог отделаться от мысли, что эти мгновения — последние на афганской земле. Несмотря на договорённости, достигнутые между командованием 40-й армии и основными главарями бандформирований, о соблюдении перемирия во время вывода войск, меня не покидала тревога о том, что афганцы, оставшиеся на заставе, могут выстрелить нам в спину. Мы развернули стволы в сторону заставы и на предельной скорости рванули вдалё, оставляя за собой клубы афганской пыли...

Глава семьдесят четвёртая

Нам осталось передать технику афганцам...

На площадке перед расположением батальона в три ряда стояла техника второй и третьей роты. Ближе к обеду появилась группа афганцев во главе с полковником афганской армии, ответственным за приёмку техники. Они распределились по нашим машинам и стали тщательнейшим образом принимать нашу технику. По большей части не было заметно горячего желания принять наши бронетранспортёры и БРДМ. Они выискивали малейшие изъяны. Доходило до того, что трещина на стекле спидометра приборной панели расценивалась как большой недостаток, не позволяющий принимать машину. Один «специалист» попросил запустить двигатель БРДМ. Работая на холостом ходу, двигатель слегка раскачивался, на что принимающий технику сказал, что он не закреплён должным образом. Я пытался возразить ему:

— На холостом ходу такая работа двигателя вполне нормальная, и лёгкое покачивание двигателя происходит оттого, что он закреплён на специальных подушках.

Я попросил водителя прибавить обороты, двигатель устойчиво стал работать, не раскачиваясь. Но, видимо, это не очень-то волновало принимающую сторону. В своих тетрадках они ставили какие-то отметки, говорящие о том, что данный экземпляр техники не подлежит принятию...

Всё мероприятие проходило в условиях сильнейшей жары. Организм обезвоживался, и кровь буквально закипала. Кто-то из офицеров отправил бойцов на дивизионный водозабор, который, по существу, уже не работал в нормальном режиме, обеспечивающем обеззараживание воды... Начальник медицинской службы батальона капитан Шалашников Михаил снабдил всех военнослужащих таблетками, проинструктировав о том, что они помогут нам преодолеть жажду и взбодрят организм в течение нескольких суток.

После обеда начала вырисовываться следующая картина: помимо сгоревшего бронетранспортёра, в моей роте афганцы не принимали две единицы техники. Я доложил об этом комбату. Нервы у всех были на пределе. Мы готовы были на крайние поступки. Майор Чуваев С. А. в присутствии полковника афганских вооружённых сил отдал распоряжение о том, чтобы технику, которую не принимали афганцы, переместили в овраг и расстреляли из ручного гранатомёта, составив соответствующие акты и зафиксировав подрыв на фотоплёнку...

Услышав распоряжение комбата, афганский полковник встал перед моей машиной и замахал руками, показывая нам, что не надо никуда ехать. Я попытался отодвинуть полковника, но офицер стоял как скала, к тому же на помощь ему подошли «сарбосы». Расчёт майора Чуваева оказался правильным. Все технические формальности были улажены, и большая часть техники была передана афганцам. Тем не менее небольшая её часть должна была преодолеть марш до границы Афганистана с Советским Союзом своим ходом. В их числе был БТР Александра Екимовского, который на сцепке благополучно доехал до Союза...

В самый последний момент нам — командиру второй роты старшему лейтенанту Ефимкину Сергею, части офицеров и прапорщиков управления батальона и мне — поступила команда: вместе с остатками своих подразделений убыть на аэродром Кундуза и быть в готовности к вылету в Союз. В батальоне оставалось минимальное количество военнослужащих и техники, которые самостоятельно должны были отправиться к границе...

Глава семьдесят пятая

Ожидание борта на кундузском аэродроме заняло не менее двух часов. На окрестности спустилась

непроглядная ночь, и мы с переполняющими нас чувствами сидели в ожидании отправки на Родину. Услышав в ночном небе гул двигателей Ан-12, мы были ещё на один шаг ближе к дому...

Погрузка в самолёт прошла быстро и без суеты. Один из членов экипажа сверил списки военнослужащих батальона, переданные ему начальником штаба. Важно было в этой неразберихе никого не оставить в Афганистане. Но, судя по тому, что все благополучно добрались до конечного пункта назначения, всё было организовано на достойном уровне.

Улетая одним из крайних бортов из Кундуза, никто не мог гарантировать нам безопасный взлёт. Фактически не осталось ни одного подразделения охраны аэродрома, которое могло предотвратить обстрел нашего борта, но об этом в ту минуту никто не думал или делал вид, что не думает. В самолёте выключили свет. Нас, офицеров и прапорщиков, стоя разместили в гермокабине. Мы стояли и держались друг за друга, не давая упасть при взлёте. После разбега самолёт оторвался от взлётной полосы и резко заложил вираж, набирая высоту. Мы попадали на колени и еле удерживались в таком положении. Ан-12 набрал высоту и вышел на заданный курс. В салоне включился свет, мы расположились кто где.

Через несколько минут в кабине пилотов открылась дверь, и командир экипажа неожиданно произнёс самую долгожданную для всех нас фразу: — Самолёт Ан-12, борт номер ноль двадцать пять, пересёк границу Союза Советских Социалистических Республик!

Этот день и ночь с третьего на четвёртое августа 1988 года я запомнил на всю оставшуюся жизнь... Для нас афганская война закончилась. Эмоции переполняли каждого, кто находился сейчас в этом самолёте. Не сговариваясь, мы закричали протяжное:

— Ура-а-а-а-а!

Мы обнимались друг с другом и не могли успокоиться от радостного момента. К горлу подкатил комок, и на глазах выступили слёзы счастья...

Откуда ни возьмись, в руках у старшины второй роты прапорщика Александровича Ивана появилась бутылка самогонки. Как всегда, вторая рота заранее позаботилась о праздновании знаменательного события. Сергей Ефимкин подмигнул старшине, и словно по мановению волшебной палочки старшина разлил всем присутствующим первача. Не успели мы опустошить содержимое, как самолёт приступил к снижению.

На военном аэродроме «Какайды» в Термезе нашей группе организовали небольшой митинг по поводу прибытия на родную землю. Нам вручили пластинки с песнями на афганскую тематику. Затем в выставленные перед нашими шеренгами ящики для оружия мы сложили свои автоматы,

пулемёты, гранатомёты и стройными рядами от-
правились в палаточный городок, расположенный
неподалёку. Сергей Ефимкин передал встречаю-
щему нас офицеру территориального управления
КГБ СССР коробку с телевизором «Panasonic» и
видеомагнитофон этой же марки, которые его
попросил сопроводить куратор нашего батальона
полковник Эргашев. Странное дело, нас толком
никто из пограничников не проверял. Погранич-
ники сверили списки прилетевших военнотру-
жащих с их личными документами, и всё. А ведь
нас инструктировали, и мы бойцов запугали, что
ни в коем случае нельзя провозить через границу
запрещённые вещи. Вся встреча нашего сводного
подразделения показалась быстрой и незатянутой.
Всё самое интересное ожидало нас впереди.

Глава семьдесят шестая

В палаточном городке нас встретили прилетевшие
накануне офицеры и прапорщики батальона. Мы
разместили своих бойцов по палаткам, организо-
вали ужин из сухого пайка. И уже через несколько
часов часть солдат и сержантов нашего батальона,
прилетевшая днём ранее, отправилась на погрузку
в самолёт Ил-76, увозивший их в восточные воен-
ные округа нашей страны. Мы горячо прощались
со своими бойцами, которые с честью выполнили
свой долг перед Родиной. Теперь им предстояло
дослуживать свой срок до первого приказа о де-
мобилизации, но уже не под нашим началом... На
следующее утро очередная партия военнотру-
жащих отправилась во внутренние военные округа.

Позволю себе сделать небольшое отступление.
Как известно, мой младший брат служил водителем
КАМАЗ-4310 в батальоне охраны штаба
Сибирского военного округа. В ночь на четвёртое
августа его роту подняли по тревоге и отправили
в аэропорт Толмачёво города Новосибирска.
Рядом с взлётно-посадочной полосой несколько
автомобилей ожидали прибытия самолётов. После
приземления Ил-76 из задней аппарели показались
загорелые военнотружающие в «афганках», с дипло-
матами в руках. По внешнему виду и наградам на
груди Олег понял, что это борт с «афганцами»...

В течение нескольких минут бойцы погрузились
в КАМАЗы и направились на временное разме-
щение в пересыльный пункт. В кабину к брату
бесцеремонно сел рядовой Серик Сартаев, боец
моей третьей роты.

— Слышь, брат, откуда борт?— обратился к нему
Олег.

— Мы из Кундуза вчера прилетели, с Афгана, се-
годня неизвестно куда отправят,— ответил Серик.
— А где в Кундузе служили?— поинтересовался
брат.

— В батальоне охраны кундузского аэродрома.

— Ух ты! У меня брат в Кундузе в батальоне охра-
ны служит.

— А как его фамилия?— спросил Серик.

— Коряков,— уверенно ответил Олег.

— Не может быть! Это наш ротный, старший лей-
тенант Коряков Юрий Михайлович,— продолжил
рядовой Сартаев.

— Правильно, это мой старший брат.

— Я не верю, покажи «военник»,— не унимался
сердобольный боец.

По приезде в батальон охраны штаба Сибир-
ского военного округа все солдаты сгрудились
вокруг брата, он достал военный билет, чтобы
мои сомневающиеся сослуживцы-подчинённые
смогли лично удостовериться, что на самом деле
перед ними настоящий младший брат их коман-
дира роты...

Увидев знакомую фамилию и место призыва
брата, восторгу моих бойцов не было предела.
Такое могло случиться только в фантастическом
фильме. Солдаты стали хлопать Олега по плечу,
приговаривая:

— Ну, у тебя брат— настоящий мужик! Видишь, мы
все живыми вернулись домой— это и его заслуга!

Олега переполняло чувство гордости за меня,
а бойцы в знак благодарности и неожиданной
встречи подарили ему маленькие афганские бак-
шиши (подарки).

— Так, значит, брат вышел из Афгана вместе с
вами?— спросил Олег.

— Конечно, он сейчас в Термезе, вместе с осталь-
ными офицерами и прапорщиками батальона...

Узнав, что Серика направляют в Абакан, брат
передал рядовому Сартаеву адрес родителей, с тем
чтобы он смог побывать у нас в гостях и лично
сказать, что их сын в Союзе. Олег был безмерно
рад и счастлив за меня. Он был первым из род-
ственников, кому я сказал, что еду служить в Аф-
ганистан. Вот теперь он мог спокойно выдохнуть
и перевести дух.

Всё самое плохое, что могло случиться, уже
позади...

Глава семьдесят седьмая

Ночь четвёртого августа 1988 года прошла под зву-
ки прилетающих и отлетающих бортов. Накопив-
шаяся усталость компенсировалась безмятежным
состоянием спокойствия и умиротворения. Мы
по-настоящему были счастливы и в полной мере
наслаждались этим положением. Мы наконец-то
вернулись в мирную обстановку, к которой ещё
надо было привыкать. Впереди были новые на-
значения и новое место службы. Поговаривали,
что каждый из офицеров должен убыть к тому
месту, откуда его направляли в Афганистан, а
тот, кто прибыл из групп войск из-за границы,
должен был поступить в распоряжение штаба
округа, где находится военное училище, кото-
рое он заканчивал. Следовательно, моя дорога
была в направлении Новосибирска, но к этим

размышлениям мой мозг ещё не был готов. Сейчас в головах моих сослуживцев царили полнейшая расслабленность и эйфория. Личный состав почти всех подразделений батальона был отправлен в дальние военные округа, а мы, офицеры и прапорщики, были предоставлены сами себе.

Первым делом мы снарядили командира взвода обеспечения батальона прапорщика Кололу Игоря для отправки телеграмм своим родным и близким. Каждый на листке бумаги написал несколько строк и адрес, куда необходимо было отправить долгожданную весточку. Я написал коротко и лаконично: «Мама и папа, я в Союзе. Юра. Ура!» Эта телеграмма до сих пор сохранена в домашнем архиве.

После обеда оставшиеся офицеры и прапорщики нашего батальона, а также несколько солдат-срочников из управления батальона со всем скарбом загрузились в ЗИЛ-131 и направились в военный городок мотострелкового полка Термезского гарнизона. Мы разместились в кирпичной казарме на третьем этаже, чемоданы с личными вещами составили в комнату для хранения оружия, привели себя в порядок, переоделись в гражданскую одежду и вышли на улицу мирного, но прифронтового Термеза...

Яркое и жаркое солнце сквозь вековые чинары ласкало нас своими лучами. Синее, бездонное и мирное небо дарило надежду на счастливую и долгую жизнь. С моих губ не сходила радостная и счастливая улыбка. В этот миг мы считали себя победителями, потому что каждый из нас с честью выполнил свой воинский долг перед Родиной и вернулся живым. Мы были в ожидании новых и больших перемен в своей жизни в лучшую сторону.

Мы шли по улице, и прохожие, оглядываясь на нас, дарили нам свои приветливые взгляды. Торговцы фруктами звали нас к своим прилавкам. Немногочисленные девушки с участием смотрели в наши ищущие глаза...

Какой-то аксакал, в чалме, халате и с седой бородкой, остановил нас и спросил меня:

— Огил, сиз озбекмисиз? (Сынок, ты узбек?)

В очередной раз меня признали за своего. Так было в Комарно на юге Чехословакии, по сути — венгерском городе. Когда я служил в этой стране, ко мне постоянно обращались на венгерском языке. Так было в родном Абакане, где соседка-хакаса всё время заставляла признаться, что я хакас. Теперь вот старик-узбек, увидев моё загорелое лицо с чёрными усами, обратился на узбекском языке.

— Нет, я не узбек, отец.

— Вай, почти как мой сын, толко чут ты вище. Ты же «из-за речки» вернулся?

— Да, отаси (отец на узбекском), — ответил я.

— Мой сын служит в Пули-Хумри, писалъ писмо, что скоро будет дома. Так вот я приехалъ его встречать. Ты не видель его?

— Как зовут сына?

— Ариф Худанкулов. Может, знаещь?

— Нет, отец, не знаю я его, но он точно скоро будет дома, и вы его обязательно встретите!

Отойдя несколько шагов, я обернулся и поглядел на аксакала. Он стоял и смотрел нам вслед, отвешивая низкие поклоны, прижимая руки к груди, представляя на моём месте своего Арифа...

Дай Бог здоровья всем отцам и матерям, которые самозабвенно ждали своих сыновей и дочерей из Афганистана. Ещё больше сил нужно матерям, которые не встретили самых дорогих и близких им людей...

Большой и дружной компанией мы зашли в большой фотосалон на улице Первомайской, где сфотографировались на память об этом знаменательном событии...

Потом были многочисленные банкеты, поездка с Артуром Егиазаряном в Ташкент, встреча с комбатом после многокилометрового марша от Кундуза до Хайратона, переселение в гостиницу...

Семнадцатого августа 1988 года начальник штаба батальона капитан Копашин В. В. вручил мне предписание и перевозочные документы для отправки к новому месту службы. Двадцать четвёртого августа 1988 года я должен был быть в штабе Сибирского военного округа в Новосибирске. Днём следующего дня я улетел из Термеза в Ташкент, и через пару дней я был в родном Абакане. Уже дома я почувствовал себя нехорошо и обратился в медсанчасть местного гарнизона, где мне выписали направление в инфекционную больницу. У меня диагностировали самую распространённую афганскую болезнь — гепатит... Да, в самый последний день, передавая технику афганцам, я выпил сырой воды и подхватил заразу...

Через месяц с небольшим меня выписали из больницы, и уже четвёртого октября я шёл по осеннему Новосибирску в направлении штаба Сибирского военного округа. Не обращая ни на кого внимания, спокойно вышагивая по тротуару вдоль Красного проспекта, я услышал визг тормозящих шин большегрузного автомобиля. Затем последовал страшной силы воздушный сигнал... КАМАЗ остановился рядом со мной, и из него выскочила знакомая худющая фигура моего младшего брата. Олег подбежал ко мне, мы крепко обнялись, долго стояли и не могли освободиться из объятий друг друга. Мимо проходила старушка, она остановилась и удивлённо произнесла надолго врезавшуюся в память фразу:

— Где это видано, чтобы солдат обнимался с офицером?.. Я всё видела, но чтобы вот так, солдат с офицером, стоят и обнимаются...

— Это мой старший брат, он вышел из Афганистана, — повернувшись к бабуле, сказал, как отрезал, младший сержант Олег Коряков.

Бабушка пошла своей дорогой, а мы с братом ещё долго стояли и смотрели ей вслед.

Круг замкнулся. Олег первый, кому я сказал, что еду в Афганистан, и он же подвёл черту, сказав, что я вернулся из Афганистана...

Послесловие к афганскому дневнику

Дневник—это способ зафиксировать на бумаге события, которые происходили с его автором, вспомнить людей, с которыми сводили те или иные обстоятельства, рассказать о времени...

Я попытался как можно точно и последовательно вспомнить эпизоды своей службы в Афганистане, с небольшими отступлениями. Что из этого вышло, пусть оценят те, кто прочитал дневник до конца.

В рамках предложенного повествовательного жанра мне не хотелось давать оценок и обстоятельно анализировать поступки людей и события. Я попытался вспомнить и рассказать в доступной форме о буднях подразделений, в которых я служил в Афганистане.

Повторюсь ещё раз: у нашего батальона не было своего «Сталинграда», мы не совершали героических поступков, мы просто ежеминутно выполняли поставленную перед батальоном задачу.

В Афганистан я приехал офицером, имеющим трёхлетний опыт службы в войсках, и с багажом знаний, полученных в военном училище. С особой благодарностью вспоминаю командиров Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознамённого училища имени М. В. Фрунзе: командира четвёртого курсантского батальона полковника Молчанова Владимира Николаевича, командиров десятой курсантской роты старшего лейтенанта Сергуна Игоря Дмитриевича и капитана Любезного Александра Николаевича, командира второго курсантского взвода капитана Казака Анатолия Антоновича. Большое влияние на моё офицерское становление оказали мой первый командир роты в войсках гвардии капитан Липаткин Александр Васильевич, командиры взводов гвардии старший лейтенант Балаев Артур и гвардии старший лейтенант Вожал Евгений. Мне очень повезло на встречи с настоящими офицерами-профессионалами и просто хорошими людьми, их было подавляющее большинство.

Отдельное огромное спасибо хочу выразить своей жене Светлане. Во многом благодаря ей я написал этот дневник. Она—верная, надёжная и любимая женщина, вдохновившая меня написание воспоминаний и помогавшая в редактировании рукописи.

В молодости мы все в той или иной степени совершали безрассудные действия, за которые иногда бывает стыдно до сих пор. Но они были и стали частью нашей жизни. О некоторых событиях и о людях я не стал писать, потому что до сих пор

эти люди живут рядом с нами. У них есть родные и близкие. Только по этой причине не хочется ворошить прошлое. Все звания и фамилии в дневнике подлинны, кроме одной. Фамилию одного военачальника я изменил по вышеупомянутым причинам и потому, что его уже нет с нами.

Пусть не вошедшие в афганский дневник странички моей далёкой молодости останутся в том числе и на моей совести. Наверное, ещё не пришло то время, когда можно и нужно об этом писать.

Мы разъехались по своим новым и старым гарнизонам. Разъехались так, как будто никто и никогда больше не встретится в этой жизни. Да, мы оставили друг другу адреса своих родителей в надежде, что будем писать и сообщать о себе приятные новости. Но почему-то спустя небольшой промежуток времени крепкие и надёжные связи были утеряны. Что произошло, что случилось с нами?

А случилось то, что в один миг поменялась страна. В Афганистан нас отправляла большая и великая держава—Союз Советских Социалистических Республик, и все надежды и ожидания по возвращении домой были связаны с ней. Возвратились мы в разрываемую противоречиями и назревающими переменами страну, в которой мы оказались ненужными изгоями. В тот момент мало кому было дело до искалеченных судеб многих «афганцев», до их физических ран и душевных мук. И чаще всего нам самим приходилось искать себя и своё место в изменившемся мире—политики были заняты своими делами. Некогда большая страна в одночасье превратилась в пятнадцать «независимых» государств. Так же, как и новые страны, мы поодиночке находили себя в новой жизни, а народные избранники своим постановлением Съезда народных депутатов СССР от двадцать четвёртого декабря 1989 года осудили решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. В один миг «афганцы» из героев превратились в сброд калек, бандитов, наркоманов и алкашей... Но, как показало время, подавляющее большинство моих сослуживцев и в мирной жизни подтвердило свой особый статус.

Память избирательна по своей сути. Много событий из почти двухлетней жизни в Афганистане безвозвратно улетучилось в астрал, и восстановить их со скрупулёзной точностью не представляется возможным, да и нет в этом особой необходимости. Так же и люди. Есть те, кто постоянно на связи и с кем приятно посидеть в дружеской обстановке и вспомнить о далёкой боевой молодости, а есть такие, чьи фамилии и имена за давностью лет стёрлись из памяти.

Если бы у меня была возможность что-то изменить и вернуться в прошлое, я бы ничего не стал менять глобально, кроме одного. До сих пор корю себя за то, что, когда появилась возможность, не

стал ходатайствовать перед вышестоящим командованием о представлении к наградам своих подчинённых. Была бы моя воля, я отметил бы почти всех своих бойцов и офицеров, потому что они каждый день были рядом, подставляли своё плечо и наравне со мной испытывали тяготы и лишения.

У нас были самые лучшие солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры. Им—особая благодарность, почёт и уважение, и низкий поклон родителям, которые воспитали таких сыновей.

Мне жаль, что я не представил к награде лейтенанта Александра Екимовского... Всякое у нас было в совместной службе. Мы оба были взводными в Файзабаде. Почти одновременно нас перевели в Кундуз. Крайний перед выводом месяц Саша служил под моим началом в третьей роте. И здесь были небольшие нюансы. Помню, как он подошёл ко мне после вывода войск в Термезе и сам спросил: — Командир, почему ты меня не представляешь к награде? Неужели я не заслужил хотя бы медали «За боевые заслуги»?

В то время я был максималистом и посчитал, что Александр «не навоевал» на медаль, тем более такое обращение слегка напрягло меня. У нас в батальоне многие офицеры и прапорщики, я уже не говорю о солдатах, уехали из Афганистана без боевых наград. Я не захотел обесценивать награду, буркнув что-то нечленораздельное, и отвернул глаза в сторону.

Буквально за час до этого разговора, ко мне подошёл сержант, писарь начальника штаба батальона, и обратился с предложением:

— Товарищ старший лейтенант, на вас было представление к ордену. Хотите ускорить его получение?

— Что я должен для этого сделать?

— Сто чеков—и орден будет вручён быстро,— ответил сержант.

— Насколько быстро?

— Очень быстро...

— А не пошёл бы ты на слово из трёх букв?!! При чём здесь сто чеков? Если есть представление, я рано или поздно получу свою награду, но тебе, сынок, платить сто чеков я не намерен...

Вечером я встретился с Сергеем Ефимкиным, и он рассказал похожую историю про аналогичное предложение писаря.

— Юра у них там наверху всегда так: «Ваньке за атаку хрен в сраку, а Машке за...—Красную Звезду»,—Серёга не стеснялся в выражениях, вновь напомнил поговорку солдат, прошедших Великую Отечественную войну, и его можно было понять.

Мы оба почувствовали неладное, но не стали выяснять у начальника штаба подробности. Нам просто надо было скорее уехать домой. И вот тут, после столь некрасивого предложения, состоялся разговор с Александром Екимовским...

Имей я в то время такой же житейский опыт за плечами, какой я имею сейчас, не раздумывая, написал бы рапорт о представлении его к награде, но рассуждать сейчас в сослагательном наклонении о событиях тридцатилетней давности, наверное, глупо. Я чувствую перед ним свою вину...

Используя современные информационные технологии (Интернет), спустя почти двадцать лет после расставания в Термезе, я нашёл всех тех, с кем хочу общаться и кто мне по-настоящему дорог. Мы переписываемся и созваниваемся. Поздравляем друг друга с праздниками и личными знаменательными событиями. Отправляем друг другу посылки через знакомых. Несколько раз мы встречались хорошей и тёплой компанией в столице нашей Родины, в Москве.

Встречу сослуживцев батальона в Москве по случаю двадцатилетия вывода войск организовал Сергей Ефимкин. Мы были на торжественном собрании и концерте «афганцев» в Кремле. Для меня это первое и единственно посещение Кремлёвского дворца.

Очередной большой юбилей вывода войск и встречу сослуживцев мы организовывали уже вместе с Сергеем, подключив Володю Чугришина, командира взвода миномётной батареи нашего батальона. Большое содействие в организации культурной программы нашей встречи оказал первый командир нашего батальона полковник запаса Салихов Анатолий Николаевич. Комбат организовал приглашительные билеты на всех участников мероприятия в Крокус Сити Холл...

На встречу приехали солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры из разных уголков бывшего Советского Союза: снайпер второй роты Рубин Вильяр Янович из Эстонии, пулемётчик второй роты Кабылов Абдыманап (Малик) Токтогулович из Киргизии, заместитель командира взвода второй роты Короблёв Дмитрий Викторович из Новокузнецка, старший стрелок второй роты Казанцев Алексей Леонидович из города Камышлов Свердловской области, водитель БТР третьей роты Космачёв Виктор Николаевич из города Бузулук Оренбургской области, пулемётчик третьей роты Кирюшкин Анатолий Сергеевич из Саранска, старший техник первой роты Разарёнов Алексей Иванович из Липецка (Москвы), командир взвода первой роты Купин Артём Алексеевич из Горно-Алтайска Республики Алтай, командир огневого взвода миномётной батареи Чугришин Владимир Вячеславович из Москвы, замполит второй роты Тихонов Сергей Борисович из Новосибирска, командир второй роты Ефимкин Сергей Геннадьевич из Москвы, командир третьей роты Коряков Юрий Михайлович из Красноярска, командир батальона Перевозчиков Сергей Геннадьевич из Москвы.

Два дня пролетели как один миг. Мы не могли наговориться. Вспомнились эпизоды службы,

которые в силу прожитых лет и возраста забылись, но они послужили поводом для включения их в дневник.

Положительный заряд эмоций от встречи останется до следующего юбилея. Организовав группу в мобильном приложении, мы практически двадцать четыре часа в сутки находимся на связи

и готовы в любой момент откликнуться на призыв о помощи. Часто, даже без повода, звонят простые солдаты и сержанты, которые были надёжной опорой там, «за речкой», и благодарят за то, что вернулись домой живыми. От этого тепло и радостно на душе, и это дорогого стоит.

Значит, не зря всё это было...